

Международная научная конференция
«Япония в Азиатско-тихоокеанском регионе»
(Москва, 10-11 декабря 2009 г.)

Тезисы выступлений

Секция 1. Политические аспекты позиций Японии в АТР

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАБИНЕТА ХАТОЯМЫ

Валерий Кистанов, руководитель Центра исследований Японии, д.и.н.

Курс Японии в сфере внешней политики в течение более полувека определялся ставкой на военно-политический альянс с США, которые в обмен на свои базы в Японии обеспечивали ее безопасность.

Юкио Хатояма, который стал премьер-министром 16 сентября 2009 года в результате сокрушительной победы Демократической партии Японии над либерал-демократами на выборах в нижнюю палату парламента 30 августа, признал, что японская дипломатия находилась в состоянии застоя в течение нескольких десятилетий правления ЛДП.

В своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре Хатояма обнародовал свою внешнеполитическую концепцию. По его словам, смена власти в Японии поможет стране стать «мостом» для всего мира в решении проблем экономики, окружающей среды, укрепления мира и других проблем.

Этот «мост», по замыслам Хатоямы, должен строиться в духе понятия «юаи», являющегося ключевым в его работе «Моя политическая философия», опубликованной незадолго до прихода к власти. Как пояснил Хатояма, «юаи»- это «способ мышления, которое уважает собственную свободу и человеческое достоинство, уважая также свободу и человеческое достоинство других».

Очевидно, что внося коррективы во внешнюю политику страны в соответствии со своей политической философией, японский руководитель будет стремиться усиливать ее азиатский вектор. Улучшение отношений с азиатскими соседями, прежде всего с Китаем, является приоритетной задачей нового премьер-министра.

Выполняя обещание, данное в предвыборной платформе, правящая ДПЯ намерена также проводить более независимую от США внешнюю политику и выстраивать более равноправные отношения с ними. Вместе с тем Хатояма заявил, что США остаются краеугольным камнем японской внешней политики.

Вашингтон, со своей стороны, не может скрыть настороженности по поводу указанных действий Токио, однако подчеркивает, что Япония продолжает оставаться главным партнером США в их азиатской стратегии.

Китайский фактор (растущая экономическая и военная мощь КНР) не может не учитываться как в Токио, так и в Вашингтоне.

«Сверхзадачей» правительства Хатоямы и последующих японских кабинетов является нахождение «золотой середины» в отношениях с двумя экономическими и военно-политическими гигантами – США и Китаем.

Хатояма рассчитывает, что в этом деле, как и в укреплении позиций Японии в Азии и на мировой арене в целом, его стране поможет создание Восточноазиатского сообщества, которому отведено большое, если не центральное, место в его «Политической философии».

Как представляется, правительству Хатоямы будет непросто осуществить в духе заявленного в его «Политической философии» «братства» походы к ряду внешнеполитических проблем, ставших уже хроническими, таких как проблема ракетно-ядерного потенциала КНДР и др.

WHERE ARE THE BOUNDARIES? JAPAN'S ROLE IN MULTILATERAL FORA IN EAST ASIA

Glenn D Hook

Проф. Ун-та Шеффилда

INTRODUCTION

The role of Japan as a catch-up state seeking to draw level with if not overtake the early-starters of the West has impacted profoundly on the way the boundaries to multilateral fora in East

Asia have been inscribed, the regional architecture shaped, and the path of development charted by the late-comers of East Asia. While in the mid-nineteenth century Japan on the Eastern wing joined Germany and Italy on the Western wing of the emerging global order as late-comers to modern development, the path to modernization chosen by Japan involved imperial expansion into neighbouring countries, illustrated by the colonization of Taiwan and Korea and the setting up of a puppet state in Manchuria. In the postwar era, Japan could not again traverse the same path to economic development pursued in the prewar period, and instead instrumentalized policy through economic rather than military means. The capitalist developmental states of East Asia which emerged following the war and the decolonization process, although falling under the shadow of the US during the Cold War in terms of politics and security, were influenced predominantly by Japan economically. With the Cold War's ending at the end of the 1980s, Japan began to play a greater political and emerging security role in the region, but its economic role in East Asia still predominates. For Japanese policy makers, the history of East Asia from the country's gradual re-emergence as a Cold War regional power has been one of determining the role Japan should play in East Asia and the wider Asia Pacific and the boundaries of the multilateral fora to emerge in the post-Cold War era.

In order to elucidate Japan's role in the East Asian regional architecture and the boundaries of regional fora, we first introduce how the East Asian political economy was reconstructed during the Cold War period. We focus on the economic dimension of Japan's regional relations as after the end of the Allied Occupation of Japan, the country played a major role in the economic reintegration of the region. It next highlights the Japanese role in the emergence and development of post-Cold War regionalism, placing emphasis on how multilateralism and the creation of a regional East Asian architecture and the inscription of boundaries of membership was able gradually to take root once the bilateralism at the heart of the Cold War order began to give way. It then examines Japan's role in the complex tapestry of Asia Pacific and East Asian multilateralism, taking up the examples of the Asia Pacific Economic Cooperation Forum, the ASEAN Ten plus Three summits, the East Asian Summit, and finally touches on the proposal by Prime Minister Hatoyama Yukio to establish an East Asian Community. The ASEAN Regional Forum, with a focus on security, is not dealt with in this paper.

Overall, the purpose is to demonstrate how the structural transformation of the Cold War order has led to the growth of multilateral groupings and competition over group boundaries, and how Japan now faces a choice in how to play a role in reshaping the East Asian regional architecture in carving out a role in these groupings.

JAPAN'S ROLE IN THE COLD WAR EAST ASIAN POLITICAL ECONOMY

The Japanese defeat in World War Two brought to an end the imperial ambition of establishing a Greater East Asia Coprosperity Sphere through military means and led to the physical and psychological withdrawal of Japan from East Asia during the early post-war years. Although the signing in 1951 of the US-Japan security treaty, along with the San Francisco peace treaty, meant that Japan became integral to US strategy in the region as a bastion against communism, the provision of bases and support of US policy made an indirect rather than a direct military contribution to the emerging Cold War order as part of the US-Japan alliance and the wider bilateral hub and spokes security system. Certainly, Japanese forces carried out crucial minesweeping operations during the Korean War (Auer 1993: 79), but no troops were sent to fight in either the Korean War or the later Vietnam War (Havens 2006). Instead, during the Cold War Japan provided bases for US forces to fight these conventional wars and to prepare for and possibly launch a nuclear war. The Japanese government, although not all of Japanese society, supported the US in these efforts, and gradually played an increasing role in defence and security, as with building up defensive strength, but this did not involve direct contributions, such as the despatch of Japanese Self-Defence Forces, until after the end of the Cold War.

The confrontation between the East and the West shaped the overall strategic environment within which East Asian states interacted during the Cold War period. As a result, Japan's political and economic relations with the communist states of East Asia were severely curtailed. This meant that, in ideological and geographic terms, East Asia was divided between the capitalist, developmental states, and those states seeking to achieve economic development through state planning. The government's recognition of Taiwan instead of the People's Republic of China (PRC) suggests how Japan reconstituted its political role in East Asia within the overarching constraint of the alliance with the US and the East-West Cold War confrontation.

Economically, however, it was able to build up limited trade relations with the PRC under a policy of the 'separation of politics and economics' (Johnson 1995: 235-63). Overall, the US's need for a stable and reliable ally in the region ensured Japan's international rehabilitation and its role in the development and exploitation of the resources and markets of those parts of East Asia falling within

the US sphere of influence. It also gained access to the markets and technologies of the US. The problem for Japan was how to carve out its own role in East Asia, given the dual constraints of reliance on the US-Japan security treaty and the sensitivity of the new East Asian states to the reemergence of Japan as a regional military power.

As the other big East Asian power, China, was communist, policy-makers faced no real rival in establishing Japan's role as a supporter of the US in East Asia, but Japanese policy makers did face a problem in playing a political and military role due to the legacy of the war. In this way, Japan was divided as a result of the political orientation of Japanese leaders to the history of the war and colonization in East Asia. In short, key policy makers were unwilling to accept fully the responsibility for war, at least as far as many in Japanese society were concerned, and, most importantly the governments and people of China and the two Koreas as well as other parts of East Asia.

Thus, whilst indirectly supporting the US in the military dimension, Japan's reconstitution of a direct role in East Asia commenced in the economic dimension of regional relations. Economic activity was viewed as peaceful activity and thus could function as a tool of regional integration, irrespective of certain of the negative effects of Japanese economic activity. This Japanese role is evident in the war reparations made in the form of loans and the transfer of industrial parts and machinery to those countries which had suffered at Japanese hands during the war. Now freed from the shackles of colonization or occupation by either European powers or Japan, Burma (1954), the Philippines (1954), Indonesia (1958), and South Vietnam (1959), all received reparation payments from Japan. As the reparations to South Vietnam and not to North Vietnam testify, the attempts to rebuild economic links in East Asia were nevertheless constrained by the overarching Cold War strategic environment within which Japan operated. In essence, economic means were used by Japanese policy-makers to carve out a role as a supporter, or as a 'junior partner' of the US in East Asia (Shiraishi 2000: 57-8). This certainly helped to integrate certain geographic parts of the economies of East Asia, but at the same time Japan played a role in reinforcing the ideological and geographic division of the region.

The policies adopted by the Japanese government helped to shape the nature of the region's political economy. Japanese policy-makers pushed forward with economic cooperation and the extension of Official Development Assistance (ODA) to the developing economies of East Asia in terms of Japanese interests, not only those of the US. Depending on the era, Japan at some point accounted for the majority of ODA for each of the East Asian economies. Moreover, until the early 1970s nearly three-quarters of Japanese ODA was tied to the purchase of Japanese goods and services (Soderberg 1996: 72-88). This provided Japanese business with the infrastructure for the development of economic links at the base of the regional political economy—that is regionalization processes sank firm roots (On regionalization and regionalism, see Gamble and Payne 1996). Furthermore, as seen in the Japanese response to energy needs in the face of the 1970's oil shocks, when ODA was diversified away from East Asia, the focus of Japanese ODA changed as Japanese interests changed. Of course, ODA and other forms of economic cooperation were mostly carried out within the context of support for the US, as was evident in the provision of US\$500 million in economic assistance to South Korea when diplomatic relations were normalized in 1965, whilst no diplomatic relations exist with North Korea to this day. Nevertheless, the economic dimension of regional relations offered Japanese policy-makers an opportunity to forge closer economic links with other parts of East Asia, thereby helping to promote regional stability and prosperity, albeit within the overarching framework of the Cold War confrontation between East and West.

In sum, during the Cold War period the role of Japan in the East Asian regional order promoted regionalization of the economy, but the overall role was constrained by:

1) the Cold War structure of the regional system, which meant that Japan was tied into a bilateral security relationship with the United States, and only able to develop economic and limited political relations across the divide between capitalism and communism; this contributed to the ideological and geographical division of East Asia and the lack of multilateral institutions;

2) the legacy of the war and imperialism, which meant that Japan was not able to use the full complement of the state's resources, and was mainly limited to the use of war reparation and ODA. This paved the way for Japanese enterprises to extract resources and establish production facilities overseas, but limited the role of the state in the political and especially security dimensions of international relations as Japan's neighbours remained suspicious of Japanese motives in playing a larger role.

This situation is in marked contrast to Europe, where economic and political regionalism in the form of the present-day European Union went forward in the context of a multilateral security relationship in the form of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), with Germany and France cooperating in moving the European regionalist project forward based on reconciliation over the war.

POST-COLD WAR REGIONALISM

The relocation of Japanese production facilities to other parts of East Asia and closer economic linkages, starting with the Newly Industrializing Economies of Hong Kong, Singapore, South Korea and Taiwan, then Southeast Asia, and now China and Vietnam, has helped to support the regional economic order. Japan has been a key source for the creation of a division of labour linking it and other parts of the region together economically, but until the post-Cold War 1990s and especially the 2000s the US and Europe played the predominant role as absorbers of the exports from the region (Bernard and Ravenhill 1995). However, intraregional trade increased significantly between Japan and the NIES economies, the four main Southeast Asian economies of Indonesia, Malaysia, the Philippines, and Thailand, and especially in the 2000s, China.

Nevertheless, the role of the United States as the ally of Japan, on the one hand, and as a key absorber of last resort for the consumer goods of East Asia, on the other, draws Japan ineluctably towards the United States. This means the boundaries of the East Asian region remain contested, even though the structural constraints of the Cold War have been largely removed. In this context, there has emerged a complex dynamic of economic interactions leading to political proposals to establish a number of regional groupings. That is, regionalization as an economic process driven by Japan to integrate the region has generated the political goal of promoting regionalism, that is, regionalist, multilateral projects based on different spatial scales.

These regionalist projects are sinking roots as different regional groupings of economies, representing a number of competing visions of Japan's place and role in East Asia and the Asia Pacific. In this way, the identity and membership of the region can be understood in different ways, depending on group boundaries, and a number of groupings of different economies has created a complex quilt of intertwined economic, politic, security and other links between Japan and the United States as well as Japan and East Asia and the wider Asia Pacific.

Asia Pacific Economic Cooperation Forum (APEC)

The role of Japan as both an 'Asia Pacific' as well as an 'East Asian' economy highlights the dual need of Japanese policy-makers in the regional political economy: access to especially US and other advanced economies as markets for consumer goods and sites for investment, on the one hand, and a stable and developing East Asia as a base for investments in resources and off-shore production as well as increasingly as a market, on the other. This dual need has given rise to the sense of Japan as part of two regions: wider Asia Pacific with a traditional focus on the United States, and narrower East Asia with increasingly a focus on China. The membership and boundaries of these two conceptions of the region, however, remain contested, with a number of different groupings bringing together the Asia Pacific and East Asian economies.

To start with, the APEC emerged in 1989 as the forum linking together the Pacific and East Asian wings of the global political economy. It now has a membership of twenty-one and includes not only the East Asian and North American economies, but Latin American economies such as Chile and Peru as well (For details, see Ravenhill 2002). The antecedents to the successful attempt in the late 1980's to build a regional framework tying together Asia and Pacific can be found at various historical junctures, as in a number of proposals made by Japanese leaders from the 1960s onwards (Korhonen 1994; Hamanaka 2009). Although formally announced by Australia, the Japanese initiative to establish APEC in cooperation with Australia (Funabashi 1995; Krauss 2000; Harris 2000), clearly illustrates the pull of the Pacific and links with the US economy. The APEC process has gradually become institutionalized since the first inaugural meeting in Canberra in 1989, especially in the wake of the summit of leaders held at the 1993 meeting in Seattle. From then, the US began to take a lead role in driving the APEC process forward as part of its globalist agenda to spread the principles and ideas of the liberal market economy, with different degrees of enthusiasm expressed for the multilateralism at the heart of APEC by different administrations over the last twenty years. This rise and fall in US involvement in APEC is illustrated clearly by the decline in interest in Asia generally under President George W. Bush (Pempel 2008) and a renewed enthusiasm under President Barack Obama, as evident in his policy statement made on the presidential visit in November 2009 to Japan, en route to the APEC meeting Singapore, where he declared the US to be a Pacific nation (*Asahi Shimbun*, 15 November 2009).

The APEC project is being driven forward on the basis of economic interests, which grew in salience in the wake of East Asian economic dynamism. The degree of US commitment to a free trade area linking East Asia and the Pacific has differed over time, with some administrations placing greater emphasis on the expansion of the North American Free Trade Area (NAFTA) to a Free Trade of the Americas, but under the Obama administration the US has expressed support for the establishment of a Free Trade Area of the Asia Pacific (FTAAP), as proposed at the 2004 and 2006 APEC meetings

(Dent 2007). In the wake of the economic and financial crisis from 2008, moreover, the Obama administration has put emphasis on the US exporting goods to the APEC members, especially to East Asian economies, putting pressure on Japan to further open the economy. This is evident in the president's emphasis on increasing US exports at the November 2009 meeting of APEC in Singapore (*Yomiuri Shimbun*, 15 November 2009).

With a commitment to 'open regionalism', APEC enables Japan to pursue economic interests which can be realized as part of the agenda to liberalize and deregulate national and more broadly regional markets. The average tariffs among members of APEC have been reduced from 17 per cent to 5 per cent (*Financial Times*, 10 November 2009), suggesting the benefit to Japanese exporters. However, this does not mean that Japan is willing to abandon barriers in all sectors, as illustrated by the case of agriculture (George Mulgan 2008). In this case, Japan has sought to resist outside pressure to fully open up to the force of market competition, and thus joins with other East Asian economies concerned about opening uncompetitive sectors of the economy, demonstrating its shared interests with its neighbours.

Given the decline in enthusiasm for APEC and multilateralism in general under the Bush administration, the emergence of the Obama administration's commitment for a renewed engagement with Asia puts APEC as a regional forum firmly back on the agenda. The current financial and wider economic crisis is acting as a catalyst to promote greater Asia Pacific integration, as regional economies are expected to help the US to increase exports to the East Asian economies. Although the US has acted as an absorber of last resort, the decline in the value of the dollar in the wake of the crisis and the reluctance of US consumers to spend in the face of the tight economic situation and high unemployment rates has led to calls for APEC to move towards 'balanced, inclusive and sustainable economic growth' (*Asahi Shimbun*, 16 November 2009). In this sense, the new Hatoyama Yukio administration is faced with the challenge of further opening the domestic market to US exporters.

As Japan hosts APEC in 2010 in Yokohama, this provides an opportunity to promote APEC and move forward with the proposal to establish a FTAAP and to review progress towards realization of the 1994 Bogor goals of the developed economies realizing free and open investment and trade by 2010 and the developing economies by 2020. This may move forward by the expansion of the Transpacific Strategic Economic Partnership agreement, presently involving Brunei, Chile, Singapore, New Zealand. Key business leaders of the Asia Pacific region as well as political leaders support APEC taking more concrete actions towards establishing a FTAAP in view of the financial crisis and the stalled Doha Round negotiations, as evident in the call from the APEC Business Advisory Council (ABAC), which met in Da Nang in August 2009. With the USA to host APEC in 2011 in Hawaii, APEC political and business leaders can be expected to place greater emphasis on the APEC project.

ASEAN Plus Three: life after the East Asian Economic Caucus

At the same time, though, another multilateral grouping with boundaries focussed on East Asia has become gradually institutionalised in the wake of Prime Minister Mahathir of Malaysia's 1991 proposal to establish the East Asian Economic Caucus (EAEC). In contrast to the open regionalism and the heart of APEC, the proposal put forward was for a grouping centred on the East Asian economies, with Japan seen as a key economy for the success of the group. While the proposed membership of EAEC at the start fluctuated, it pointedly excluded the US, Australia and New Zealand, with the US strongly opposed to the challenge to APEC posed by an East Asian grouping, fearing it would split Asia-Pacific. The expansion of ASEAN to include by 1999 all Southeast Asian states, and the negative reaction of the Chinese government to the possible inclusion of Taiwan, meant that the membership of the grouping became thirteen states, the ASEAN ten plus three—China, Japan and South Korea. Thus the ASEAN Ten plus Three was built on the existence of ASEAN and a leadership role for ASEAN, which side-stepped the issue of competition for leadership of the group between China and Japan.

It was concern over the closed nature of EAEC that at first led the Japanese government, especially the Ministry of Foreign Affairs, to resist commitment to the Malaysian proposal. As, from the outset, the proposal excluded the US, the EAEC seemed to offer 'closed regionalism' instead of APEC's 'open regionalism.' At the time, the main role for Japan was seen as part of the APEC process, not a more exclusive East Asian grouping of states as proposed by Malaysia, but Japanese policy-makers hedged by becoming part of both groups. The potential tension between a commitment to maintaining boundaries focussed on an East Asian and an Asia Pacific grouping continues to this day.

Apart from immediate concerns, such as the launch of the European Union Treaty of Maastricht in 1993, the EAEC proposal was in fact seeking to achieve four longer term goals: '(1) to continue to benefit from Japanese investment, trade, technology, and so on, as one of the follower

geese in the 'flying geese' pattern of economic development; 2) to enhance the political bargaining power of the East Asian developing economies *vis a vis* Japan, as in dealing with any further steep rises in the price of the yen due to pressure from the other advanced economies; (3) to hinder the implementation of a divide-and-rule strategy by powers inside the region, by including within EAEC South Korea, Japan, China, and the other ASEAN members; and (4) to strengthen East Asia's hand in coping with trade conflicts and other economic issues arising between East Asia and the advanced economies of North America and Europe by pressing Japan to become more vocal as the "voice of Asia" (Hook 1999).

The ASEAN 10 Plus Three emerged to take part in the Asia-Europe Meetings (ASEM) at the first summit in Bangkok in 1996 and at the following summits between the leaders of the two regions, with Beijing hosting the seventh summit in October 2008. At the same time, the group has been consolidated as an entity in its own right—in essence, EAEC has become the ASEAN plus Three.

EAEC as the ASEAN plus Three

The ASEAN plus Three can be traced to the 1995 fifth triennial ASEAN summit. At that meeting, the leaders of ASEAN reached agreement on holding an informal summit in the years in between the triennial formal summit. The aim was to create a venue for wide-ranging discussion without any formal agenda. It was to go forward based on consensus and the 'ASEAN way' (Acharya 1997), that is, without any legally binding agreements as in the case of the European Union. The first summit of all East Asian leaders occurred shortly after the East Asian financial crisis broke out in the middle of 1997.

With their economies suffering under the shock of International Monetary Fund policies following the crisis, the meeting provided an opportunity to address regional issues and the path for the future. The EAEC's emergence as the ASEAN Ten Plus Three summits was given impetus by the financial and economic crisis, as the reinvigoration of APEC from 2009 is being given impetus by the current financial and economic crisis. The response to the crisis by the East Asian states, especially the funds released by the Japanese government under the Miyazawa initiative and the Chinese decision not to further devalue the yuan, demonstrated to the Southeast Asian states the need to expand cooperation in East Asia. Without this cooperation, especially the financial support of Japan, the rapid recovery made by the economies would not have been possible. The East Asian crises increased regional awareness of the need for cooperation and, at the same time, the sense of shared East Asian identity.

Given the background of Japan's imperial expansion into East Asia during the pre-World War Two period, and the remaining suspicions of Japan in the region, especially by China and South Korea, the inaugural meeting in 1999 of the three leaders at first was only able to take place informally on the sidelines of the ASEAN plus 3 summits. This suggests that, despite continuing concerns over Japan's regional role, the three leaders were at least prepared to meet together in wider regional context, albeit not yet as a troika. These informal meetings continued until the first formal trilateral summit of the three leaders in Fukuoka in December 2008, when Japanese prime minister Asō Tarō, Chinese Premier Wen Jiabao and South Korean President Lee Myung-bak met. Whereas, at the outset of the 1990s, Japan was reluctant to participate in the EAEC meeting precisely because it excluded the US, these meetings went ahead without the US nor the camouflage offered by the presence of the Europeans in the ASEM process.

By continuing meetings and discussing common problems such as the 1997 Asian financial crisis, the ASEAN plus Three has come to take on a bounded membership and a growing identity as an 'East Asian' forum, built on the idea of a separate identity for the region (Terada 2003). The group faces more serious difficulties than Europe in terms of building an East Asian regional identity out of diversity, with greater difference in size (Indonesia versus Brunei) economic levels (Japan and Burma), political systems (democracy and dictatorship), culture and religion (Islam and Shinto), and so on. Nevertheless, the idea of a shared identity can and is being built through political will and the idea of 'East Asia' can be used by member state policy-makers as a political resource, although some are sceptical of whether the group will prosper (Hund 2003). Japan has been working to establish a stable political and economic framework in East Asia to supplement, though not to replace, the core relationship with the US and the APEC process. This is part of the reemergence of Japan as a core player in the political and security dimensions of regional relations, not just economic, which has grown in significance during the late 1990s and early twenty-first century. Still, the need to balance the relationship between the US and East Asia remains of primary concern. This can be seen, for instance, in the sensitivity of Japanese policy-makers to the US's negative reaction to the Japanese initiative to hold the first meeting of the three leaders of East Asia, when Japanese policy-makers held 'prior

consultation' with their US counterparts (*Asahi Shimbun*, 29 November 1999) as well as in the support given for a wider grouping, the East Asian Summit.

East Asian Summit (EAS)

The first meeting of the East Asian Summit was held in Kuala Lumpur in December 2005 against a background of discussions over the boundaries to the membership of the grouping. In a sense, the potential for competition over leadership of the ASEAN plus 3 was transmuted into a competition over the boundaries of membership for the new grouping, as a narrow membership based on Southeast Asia and Northeast Asia would provide an opportunity for China to play a more dominant role. The question of the membership of groups is the question of political power and the balancing of other powers. The tension in the EAS group is basically between the role to be played by Japan and China, with Japan pushing for increasing the number of members and China favouring a narrower grouping of countries. This led Japan to support expansion to include India, along with Australia and New Zealand, as a balance to China. Many point to how this suggests the emerging rivalry between Japan and China to play the lead role in East Asia, but more importantly the emergence of the EAS reflects the shift in the structure of the international system and the core role of East Asia in that transition. The remaining issue is the role of the United States in the grouping.

The inclusion or exclusion of members was based on three conditions put forward by ASEAN: the need for the members to be a dialogue partner, have a 'substantive' relationship, and be signed up to ASEAN's Treaty of Amity and Cooperation (TAC). In fact, Australia became a signatory to TAC just prior to the meeting, wanting to ensure it was part of the group from the start. As the US had not acceded to TAC in 2005, it was not eligible to become a member based on these ASEAN conditions, although the situation changed dramatically in July 2009 when the US became the latest signatory to TAC. Although from 2005 the EAS has been gradually institutionalized as sixteen members, the US's accession to TAC suggests the potential for the EAS to expand to include the United States. Indeed, President Obama in his speech in Tokyo in November 2009 stated 'the United States looks forward to engaging with the East Asia Summit more formally as it plays a role in addressing the challenges of our time' (*Asahi Shimbun*, 14 November 2009).

The shift on the part of the United States is illustrative of the support by the Obama administration for multilateralism. In November 2009 the USA is only formally a member of APEC. At the time of Malaysia's proposal to establish the EAEC in 1991, the United States opposed the grouping, promoting instead APEC. The potential for APEC still remains very much alive, especially as Japan and the USA will host the next two meetings, but the diversity and geographical spread of APEC means a group more focussed on East Asia has the potential to bring greater economic benefits to the US, as this is where the centre of growth is located. This helps to explain why President Obama in his speech in Tokyo at the weekend demonstrated an interest in becoming positively involved with the East Asia Summit. By making a bid to be part of the East Asia Summit—putting weight on EA Summit, not ASEAN plus 3—the government of Hatoyama Yukio will be under increased pressure to determine the boundaries of the latest proposal for a regional grouping, the East Asian Community.

East Asian Community (EAC)

The current concept of establishing an East Asian Community was put forward by Prime Minister Hatoyama in October 2009, at the same time as Prime Minister Kevin Rudd of Australia proposed a similar concept, the Asia Pacific Community. Hatoyama's idea of an East Asian community has been proposed on numerous occasions in the past, and is very much part of the EAEC idea put forward by Malaysia and the idea of a community was adopted as a goal by ASEAN in 2007. The difficulty for Japan in proposing an EAC has been the need to consider relations with the United States, especially the security treaty, and the boundaries to the group. During the period when the LDP was in power, this led to ambivalence if not resistance to commit to an East Asian project, but the change to the Hatoyama administration has brought about a greater foreign policy focus on East Asia. Nevertheless, when the prime minister put forward the idea of the East Asian Community at the October 2009 meeting of the East Asian summit, he was unclear about the membership, particularly about whether or not the United States is a member of the community. In the speech he made in Singapore in November 2009, he stressed cooperation in areas such as economics, green Asia, and natural disaster, based on the idea of *yūai*, or fraternity. However, the prime minister has still not given a clear indication about US membership (*Nihon Keizai Shimbun*, evening edition, 19 November 2009). He did mention Australia and New Zealand, suggesting he is not promoting a group akin to the ASEAN plus 3 but rather the EAS, and went on to state that the US would 'play a large role in his conception of an East Asian Community' (*Nihon Keizai Shimbun*, 16 November 2009). Although

Foreign Minister Okada Katsuya has indicated the US is not included (*Nihon Keizai Shimbun*, 6 November 2009), the discrepancy may be due to lack of coordination in the new administration. At the same time, though, with delicate negotiations over the relocation of the US Futenma airbase in Okinawa in process, not being clear at this stage is no doubt politic.

CONCLUSION

The proliferation of groupings of states centring on East Asia reflects the lack of consensus on the boundaries of the regional architecture, but at the same time highlights the different approach to regional groupings compared with the rule-based and legal framework at the heart of the European project. The three main groups discussed above--APEC, ASEAN plus Three and the East Asian Summit, along with the concept of the EAC put forward by Hatoyama--have drawn the boundaries of membership in terms of different visions of the regional architecture, or regional governance. At the most abstract level these groupings and the idea of a community reflect the emergence of possible new sites of governance for the East Asian regional order following the collapse of the global Cold War structures, where especially economic and wider political issues are dealt with in multilateral fora. This is a significant shift away from historically dominant pattern of bilateral approaches to regional issues. This greater role for multilateral fora is emerging also in the move to strengthen the G-20 at the global level, rather than focus exclusively on the G-8. The change to the Obama administration is likely to lead to the greater institutionalisation of multilateralism in East Asia.

During the Cold War, the hub and spokes bilateral security arrangements centring on the United States, on the one hand, and the legacy of the war on the other, meant regionalization, not regionalism, was the initial driving force for the promotion of regional groupings. This is in contrast to the multilateralism at the heart of NATO and the European regionalism pushed forward as a political project by France and Germany. Regionalization in East Asia in particular and Asia Pacific more broadly helped to integrate the region economically, but the ending of the Cold War was a necessary, albeit not a sufficient, condition to open space for the restructuring of the regional architecture, and the creation of multilateral groupings of regional states and economies.

Yet, two difficulties are faced by Japan in seeking to play a more proactive role in determining the boundaries of multilateral fora and shaping the regional architecture. The first has been and remains the need to balance the bilateral requirements of the alliance, on the one hand, and an independent leadership role in East Asia, on the other. This means a need to carefully navigate the balance the roles played in these different groupings and accommodate the United States in playing its own regional role. The lack of clarity on the role of the US in the EAC points to the difficult faced. On the other hand, attempting to develop an independent leadership role needs to take into account the role of China and indeed ASEAN. It was precisely due to the potential competition between China and Japan that ASEAN at the outset took the lead role in the ASEAN plus Three. While the more expansive EAS, with the inclusion of India, thus provides Japan with a way to counterbalance Chinese rise, the grouping does not provide a clear way for Japan to play an independent leadership role.

The second difficulty is dealing with the legacy of the war. An East Asian Community which includes the United States is likely to leave Japan with greater constraints in carving out an independent regional role in East Asia. But such a community would provide the US and Japan with a new multilateral forum to collaborate on global and regional issues of joint concern. On the other hand, the creation of a grouping without the United States still leaves Japan with the option of competing with or cooperating with China. If the option is cooperation rather than competition, the need to deal with the legacy of the war will at some point come onto the agenda. In his speech in Singapore, Prime Minister Hatoyama mentioned the suffering of the war and then stated, as far as relations with Asia is concerned: 'We do not believe that a true reconciliation has been achieved' (*Asahi Shimbun*, 16 November 2009). That he highlighted the cooperation between former foes, France and Germany, in pushing forward the establishment of the European Union as his model suggests the potential for the government to address this outstanding issue. There are still competing visions of Japan's role in East Asia, but the new government will need to clarify the boundaries and membership of the EAC in the process of moving reconciliation in East Asia to a conclusion.

References

- Acharya, Amitav (1997) '[Ideas, identity, and institution-building: From the "ASEAN way" to the "Asia-Pacific way"?](#)' *The Pacific Review*, 10: 3, 319 – 46.
- Auer, James E. (1993) 'Article Nine: Renunciation of War', in Percy R. Luney and Kazuyuki Takahashi (eds), *Japanese Constitutional Law*, Tokyo, University of Tokyo Press, pp. 69-86.
- Bernard, Mitchell and John Ravenhill (1995) 'Beyond product cycles and flying geese: regionalization, hierarchy, and the industrialization of East Asia,' *World Politics*, 47 2: 171-209.

- Dent, Christopher M. (2007) 'Full circle? Ideas and ordeals of creating a Free Trade Area of the Asia-Pacific,' *Pacific Review*, 20: 4, 447 – 74.
- Funabashi, Yōichi (1995) *Ajia Taiheiyō: APEC to Nihon*, Tokyo: Chūō Kōronsha
- Gamble, Andrew and Anthony Payne (1996) (editors), *Regionalism and World Order*, Basingstoke: Macmillan.
- George Mulgan, Aurelia (2008) Japan's FTA politics and the problem of agricultural trade liberalization,' *Australian Journal of International Affairs*, 62:2, 164-78.
- Hamanaka, Shintaro (2009) Asian Regionalism and Japan. The politics of membership in regional diplomatic, financial and trade groups, Abingdon: Routledge.
- Harris, Stuart (2000) 'Ellis Krauss on APEC origins,' *The Pacific Review*, 13: 3, 521 — 23.
- Havens, Thomas (2006) *Fire Across the Sea: The Vietnam War and Japan 1965-1975* Princeton: Princeton University Press.
- Hook, Glenn D. (1999) 'The East Asian Economic Caucus: a case of reactive subregionalism?', in Glenn D. Hook and Ian Kearns (eds) *Subregionalism and World Order*, London: Macmillan, pp. 223-45.
- Hund, Marku (2003) 'ASEAN Plus Three: towards a new age of pan-East Asian regionalism? A skeptic's appraisal,' *The Pacific Review*, 16: 3, 383-417.
- Johnson, Chalmers (1995) *Japan: Who Governs? The Rise of the Developmental State*, New York: W. W. Norton.
- Korhonen, Pekka (1994) *Japan and the Pacific Free Trade Area*, London: Routledge.
- Krauss, Ellis (2000) 'Japan, the US, and the emergence of multilateralism in Asia,' *The Pacific Review*, 13: 3, 473-94.
- Pempel, T. J. (2008) 'How Bush bungled Asia: militarism, economic indifference and unilateralism have weakened the United States across Asia,' *The Pacific Review*, 21: 5, 547-81.
- Ravenhill, John (2002) *APEC and the Construction of Pacific Asia Regionalism*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Shiraishi, Takashi (2000) 'Nihon no Tōnan Ajia seisaku no saikentō', *Kokusai Mondai*, 480: 53-64.
- Soderberg, Marie (1996) 'Japanese ODA: the business perspective', in Marie Soderberg (ed.) *The Business of Japanese Foreign Aid: Five Cases from Asia*, London: Routledge, pp. 72-88.
- Terada, Takashi (2003) 'Constructing an "East Asian" concept and growing regional identity: from EAEC to ASEAN+3,' [The Pacific Review](#), 16: 2, 251 – 77.

中国現代国際関係研究院 王 珊

Вань Шань

Замдиректора Института японских исследований,
Академия современных международных отношений КНР

東アジア共同体に向ける現状と挑戦

一、東アジア共同体の現状

10月下旬に開催された ASEAN+3 会議後発表された議長声明は、東アジア共同体について、「開放性、透明性、包括的な原則に基づく東アジア共同体構築に向けた努力を活性化させる各国の共同提案を評価する」と歓迎を表明した。中国には、東アジア共同体の範囲、規模より、共同体中身のほうが一番重視すると思う。だから、未来東アジア共同体に向け、ASEAN+3、ASEAN+6 についての論争ではない、現段階の問題は、いかに既存の東アジア協力の枠組みを利用することであり、どの国が入るとか入らないとか、今議論しても意味がない。東アジア共同体は、当地域の各国に対して、長期的目標のである。

10月、一連の ASEAN 首脳会議で、各国政府の関与する研究グループが、東アジア自由貿易圏の具体的検討を始めることが決まった。同時に、日中韓自由貿易協定の産官学の共同研究開始に向け、来年始め三カ国政府で協議することも決まった。経済共同体の構築を見据え、各国政府の検討作業が本格化になりました。日中韓 FTA について、政府レベルを含めた共同研究を来年上半期に開始することで合意した。

二、東アジア共同体に向け、直面すべき挑戦

全体から見れば、共通の価値観を持たず、政治的環境もフランス・ドイツと大きく異なる日中・日韓において、真剣に関係の改善に取り組む事は容易ではない。その過程では両国とも国内世論と相手国の双方への配慮が不可欠であり、現実に課題は山積している。東アジア共同体の構築を長期

的目標とすることで一致したとはいいいながらも、解決すべき問題は多いようです。中日韓の東アジア共同体についての構想は、各国の利害対立から交渉の見通しは、甘くないが、地域経済統合に向け、硬い壁があると思います。

第一は、主導権の争い。東アジア共同体の成立条件として、当地域の大国の共同パートナーシップを挙げることができる。東アジア地域をめぐる主導権争いではなく、協調的なリーダーシップを発揮する。そのためには、各国は「アジアの一員」であるとの自己認識を確立しなければならない。今後検討する経済連携協定の枠組みとしては、日本が主導する16カ国の「東アジア経済連携協定」や、中日韓とASEANの13カ国とする案のほか、オーストラリアのラッド首相からは、アメリカも加えた「アジア太平洋自由貿易協定」にするべきだとの提案があった。

第二は、アメリカの存在。「東アジア共同体」は開放的地域主義の観点から構築する必要があり、アメリカを排除できない。それでは、地域主義と対米協調の均衡はいかに保持できるのか。こういう条件を満たすことが、現状では難しい。地域主義の問題は、避けなければ、共同体の道はかなり遠いのである。

日本の一部の学者では、日中間における相互不信について、両国では現在、「共通の経済的利益」はあっても、民主主義や市場主義、人権尊重など“共通の価値観”を持たない事を原因として挙げている。そのほかに、東アジアの中日韓は歴史認識問題、海洋問題を巡っては、お互いに、感情的な溝を持ち、それが相互信頼や共同体意識の構築を阻害している現状がある。日本は民主化しているが、“日米同盟”の名の下に中国や韓国などの東アジアの利益よりも米国の利益を優先しがちである。

第三は、政治、文化の相違性。東アジアの各国には、衣食、文化、宗教から見れば、似ているところが確かに少なくない。中国は、アジアにおける文明の中心として、日本を始め、周辺の国々に多くの影響を与えてきた。各国は、中華文明の影響を多様な文化を独自に発展させてきました。それに、時代の変遷により、中国文化にも大きな変化が生まれ、特に現代になって、政治体制とイデオロギーの違いにより、同じ文化を淵源とする東アジア各国は、似て非なる異文化になってしまった。だから、東アジア各国人には、付き合う時、こういう「異なるところ」を知らなければ、相手を正しく理解するのは難しいであると思う。しかし、われわれはこうした「異なるところ」を乗り越えなければ、文化の「溝」と見直してはいけぬ。むしろ、そのような多様性を尊重することこそが、アジア共同体の基盤であったと思う。

三、東アジア共同体の行く道

10月10日の中日韓首脳会談では、鳩山首相が提唱する「東アジア共同体」構想の実現を長期的目標とすることで一致した。「新しい日本は東アジア共同体を構想していきたい。経済的な連携強化からスタートして、文化的、社会的なレベルでの交流強化を図り、青少年の交流を進める」。鳩山首相は会談でこう述べ、共同体実現を一步ずつ進める意欲を示した。鳩山首相は、共同体構築をアジア外交の中核に位置付けているが、域内諸国での政治体制の違いもあり、具体化は容易ではない。日本としては、アジアの多様性を生かし、アジア的価値観を基盤とした東アジア共同体の構築を目指すべきである。それはEUよりもゆるやかで寛容な、アジアの土壌にあったものになるであろう」となっている。

地域共同体の成立のためには「ヒト」「モノ」「カネ」の移動に対する自由化が必要不可欠である。しかし現状においては、日中韓の間でそれらの移動に対する自由化の道は遠く、「ヒト」の自由化を試みた場合、日本は大量の難民が流入する恐れがありようです。

東アジアでは通貨スワップ、債券市場、食糧、海賊版商品の撃退、エネルギー、環境などなど様々な機能分野で協力が進められているが、関係国の国内制度の変更が必要になるような深い協調体制は未だ十分に取られていないのが現実である。将来的に個別分野での協力体制が、そのまま東アジア共同体の構築に貢献するかどうかは依然として不明である。

東アジアでの共同体作りで決定的に重要なことは、どのような協力関係を築くかである。これによって東アジア全体とくに東アジアで協力を推進して行く上で、国際関係を組織化する場合の基準となる前提事項の変更や収束が明示されることになる。域内において、機能分野で協力のための相互交流が頻繁になったとしても、必ずしも東アジア共同体の構築に役立つとは限らない。制度化と地域協力の組織化が非常に重要である。この点で取り組まねばならない問題は、「協力の質」である。これこそが、東アジアでの協力が緊急を要する域内の諸問題の解決に向けて、有効な地域メカニズムとなるか否かの分かれ道であると思う。

四、21世紀の視野で東アジア共同体を見よう

世界の政治、経済グローバル化につれて、人類は共生共存という全体的意識を持ち始めているのである。当今の世界は、東アジア共同体に認識は、すでに、地域二国間の関係だけを考えることにとどまってはいけない、もっと大きな視野を持たなければならないと思います。

当地域の諸国にとって、経済、政治、安全の各分野を含める共同体とは、各国が、さらに世界システムに組み込まれ、その中で自分を発展させることを意味しています。そうすれば、必ず、各国間の関係を発展させることになるでしょう。中国は、歴史的な市場があり、アジア太平洋地域の経済回復のために見落とせない役割を果たすことができます。

東アジア共同体への挑戦には、孤立的に見てはいけぬ。こういう問題は、歴史の産物であり、政治制度、近代化歩みなどの原因のほかに、文化的な要素がある。東アジア国々は、異なった歴

史を歩み、現在も異なった体制を有しており、異なった政治、経済、社会を形成していることをお互いに認識しなければならない。要するに、我々は、まず、表面の「同じということ」に惑われないように、各国にそれぞれの「異なるところ」があることを認識し、「異なるところ」の内容を理解する。我々は、これを踏まえて、アジア共同体に目を向け、最大限に各国の共通利益を追求する。

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКАЯ СИСТЕМА ПРО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Парамонов Олег Геннадиевич, к.и.н

Ракетно-ядерная программа Пхеньяна стала не единственной, но, безусловно, главной причиной появления в японо-американских отношениях в области безопасности принципиально нового вектора сотрудничества, связанного с участием Токио в наиболее радикальном за последние десятилетия военном проекте Пентагона – создании системы противоракетной обороны (missile defense - MD). Это направление уже сегодня оказывает воздействие на эволюцию политики Японии в области безопасности, а в перспективе способно привести к качественным изменениям японо-американского союза безопасности. Основой этого союза продолжает считаться японо-американский Договор безопасности (Treaty of Mutual Cooperation and Security Between Japan and the United States of America), заключённый Вашингтоном и Токио ещё в первые десятилетия холодной войны.

Совместные инициативы в области ПРО стали серьезным стимулом для активизации японо-американского диалога по проблемам безопасности. В рамках уже существующих форматов консультаций стороны начали рассматривать, помимо проблематики, связанной с ПРО, более широкий, чем прежде, круг вопросов, касающихся выработки общих подходов к обеспечению региональной безопасности, оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии, а также возможности перевода японо-американского партнерства с регионального на глобальный уровень.

При этом, появлению новых программных документов, определяющих первую в истории Союза безопасности концепцию целей и задач альянса, предшествовала тщательная экспертная проработка рассматриваемых вопросов на уровне специально созданных при кабинете Дз.Коидзуми «мозговых» центров. Результатом данной работы стала публикация двух базовых докладов, содержащих рекомендации по реформированию японской оборонной политики: доклада подкомитета по изучению оборонной политики при Либерально-Демократической партии (Liberal Democratic Party, National Defense Division and Policy Research Council, Defense Policy Studies Subcommittee) и доклада Совета по безопасности и оборонным возможностям (Council on Security and Defense Capabilities) под председательством Хирочи Араки.

Доклад Араки, вызвавший огромный интерес не только среди японских экспертов, но и за пределами страны, содержал ряд «революционных», с точки зрения сложившихся вокруг внешней политики Японии стереотипов, положений. Таким образом, участие Токио в создании совместной ПРО, а также необходимость реагирования на другие вызовы новой эпохи, в частности, международный терроризм, способствовали изучению японским истеблишментом возможностей пересмотра жёстких самоограничений в использовании традиционных для других государств способов обеспечения национальной безопасности.

Часть предложений, содержащихся в вышеуказанных докладах, легла в основу утверждённых кабинетом министров в декабре 2004 г. новых Основных направлений программы национальной обороны (National Defense Program Guidelines), а также использовалась в процессе разработки новых японо-американских программных документов, касающихся расширения сотрудничества в военно-политической сфере.

В феврале 2005 года главы внешнеполитических и военных ведомств обеих стран провели в Вашингтоне встречу в формате «два плюс два». По её итогам было подготовлено совместное заявление «Общие стратегические цели» (Common Strategic Objectives), которое можно считать первым программным документом альянса, принятым в 21-м веке.

Новый совместный документ США и Японии, который должен способствовать эволюции альянса от «ориентированного на угрозы» к «ориентированному на интересы», стал первым документом США и Японии, в котором были сформулированы общие для участников альянса интересы, а также были предложены обусловленные общими интересами задачи и цели двустороннего партнёрства, причём речь уже шла о партнёрстве не только на региональном, но и на глобальном уровнях.

Идея пересмотра распределения обязанностей между США и Японией в рамках двустороннего сотрудничества в сфере безопасности была реализована путём разработки и принятия в октябре 2005 г. промежуточного доклада «Японо-американский союз: трансформация и реорганизация для будущего» (U.S.-Japan Alliance: Transformation and Realignment for the Future). Доклад не заменяет принятые в 1997 г. Руководящие принципы для союза безопасности (The Guidelines for Japan-US Defense Cooperation), но интегрирует их в систему двустороннего взаимодействия по значительно более широкому кругу вопросов, в том числе и в сфере ПРО. Доклад стал первым в истории Союза безопасности документом, в котором предлагается создание общих командных структур, введение процедур постоянного обмена информацией об оперативной обстановке, и целый ряд других нововведений, способных привести к постепенному появлению у Союза безопасности некоторых качеств и свойств наднационального субъекта. В то же время принятие данного документа оценивается многими экспертами как своеобразный компромисс, ставший следствием директивного стиля Вашингтона в отношениях со своими союзниками и «потребительского» подхода Токио к отношениям с Вашингтоном в военной сфере.

Что касается возможного влияния японо-американских планов по созданию противоракетной обороны на состояние региональной среды безопасности, то здесь представляется целесообразным рассмотреть реакцию на новые инициативы Вашингтона и Токио со стороны ведущего актора региональной политики, обладающего серьёзным ракетно-ядерным потенциалом – Китая, а также с позиции России – ядерной державы глобального масштаба, имеющей жизненно важные интересы в данном регионе.

Пекин изначально относился крайне настороженно к совместным инициативам Вашингтона и Токио в области ПРО. В то же время, российские дипломаты и военные проявляли в данном вопросе определённую сдержанность. Между тем, планы администрации Дж.Буша-младшего по размещению компонентов ПРО в Восточной Европе явились мощным катализатором сближения интересов России и КНР, поскольку компоненты ПРО, предполагаемые к размещению в Восточной Европе и Японии могли уже рассматриваться как составные части противоракетного щита глобального масштаба.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что действия Северной Кореи скорее всего приведут к негативному для Пхеньяна результату, при котором альянс между Вашингтоном и Токио перестанет выглядеть «странным» военным союзом, один из участников которого готов нести серьёзные риски при отстаивании национальных интересов, а другой рассматривает самоограничения в военной области как один из ключевых элементов своей внешней политики.

Таким образом, становится всё более очевидной опасность перехода региональной гонки вооружений в стадию, которой удалось избежать советским и американским политикам периода глобального противостояния. Речь идёт о соревновании между системами защиты от атак баллистических ракет и средствами преодоления этой защиты.

Новая совместная инициатива Вашингтона и Токио всё ещё плохо предсказуема с точки зрения влияния не только на региональную, но и на глобальную среду безопасности. Некоторый оптимизм, при этом, внушает то обстоятельство, что, в отличие от главных участников холодной войны, КНР и Япония, региональные соперники периода глобализации, сильно зависят друг от друга, а также от США, в экономической и финансовой сферах.

РОЛЬ ЯПОНИИ В ШЕСТИСТОРОННИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЯДЕРНОЙ ПРОБЛЕМЫ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Гринюк В.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН

На шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове Токио последовательно проводил линию, жёстко увязанную с разрешением вопроса похищений японских граждан спецслужбами КНДР в 1970-1980 гг. По существу Токио поставил перспективу денуклеаризации Корейского полуострова в зависимость от разрешения другой, хотя и очень важной и трагической по сути, проблемы двусторонних отношений. Этот курс показал свою деструктивность.

На первом этапе переговоров (с августа 2003 г. до конца 2006 г.) позиции США и Японии в основном совпадали по своей негативной направленности. Вашингтон проявлял пассивность, так как его целью была смена режима в Северной Корее. В то же время японская

делегация, с точки зрения Пхеньяна, поднимала на переговорах тему похищений, никак не связанную с предметом обсуждений, и препятствовала формированию конструктивной атмосферы.

После проведения Северной Кореей в октябре 2006 г. испытательного взрыва ядерного устройства Вашингтон изменил курс в отношении КНДР и проявил готовность вести с ней диалог. Это позитивно повлияло на ход шестисторонних переговоров. В феврале 2007 г. участники форума приняли документ «Совместная договорённость о ядерном разоружении Северной Кореей». Он предусматривал закрытие в течение 60 дней северокорейского ядерного центра, приглашение инспекторов МАГАТЭ для проведения необходимых инспекций. В ответ Китай, Россия, Республика Корея, США и Япония должны были предоставить Пхеньяну «чрезвычайную помощь», эквивалентную 50 тыс. тонн мазута. В дальнейшем намечалось предоставление северокорейской стороной исчерпывающей декларации обо всех ядерных программах КНДР в обмен на масштабную экономическую, энергетическую и гуманитарную помощь Пхеньяну. Токио формально поддержал «Совместную договорённость о ядерном разоружении Северной Кореей», но отказался участвовать в предоставлении помощи до тех пор, пока не будет урегулирована проблема похищений, и продолжил экономическую блокаду КНДР. На втором этапе шестисторонних переговоров (в течение 2007 г.), когда начался демонтаж северокорейского ядерного оборудования, линия Токио противоречила конструктивному настрою других участников переговоров, включая Вашингтон.

На третьем этапе (с конца 2007 г. до весны 2009 г.) США выдвигали новые, повышенные требования к КНДР в плане раскрытия северокорейской стороной её ядерных программ. Параллельно Вашингтон затягивал процедуры исключения Северной Кореей из американского списка государств, поддерживающих терроризм, и перечня стран, на которые распространяется действие закона США «О торговле с вражескими государствами». В этот период (наряду с изменением подхода США, обострением отношений между КНДР и Республикой Корея, а также проблемами здоровья Ким Чен Ира) отрицательный ресурс японской позиции стал фактором слома положительной тенденции в переговорном процессе и одной из причин вызывающих, опасных действий Пхеньяна.

Весной 2009 г. на Корейском полуострове возник новый ракетно-ядерный кризис. Северная Корея запуском ракеты большой дальности 5 апреля и взрывом ядерного устройства 25 мая 2009 г. хотела продемонстрировать США и их союзникам свои растущие возможности ядерного сдерживания, а также недовольство ходом шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы.

Можно считать, что опасные действия КНДР были сигналом не только США, но и Японии. Упор Токио на проблему похищений людей мешал ходу шестисторонних переговоров – ведь японская сторона по существу отказалась следовать положениям Пхеньянской декларации 2001 г., предусматривавшей оказание Японией экономической помощи Северной Корее и мораторий КНДР на пуски ракет.

Токио не изменил свой подход и после событий 15 апреля и 25 мая 2009 г. Пресловутая тема похищений по-прежнему занимает первое место в списке неотложных целей японской политики в отношении КНДР.

Пхеньян отверг резолюцию СБ ООН 1874 и в конце июля 2009 г. официально отказался от шестисторонних переговоров. Вместе с тем в заявлении посла КНДР в ООН содержался намёк на то, что Пхеньян не отрицает возможности возобновления прямого диалога с Вашингтоном. Американская сторона объявила, что не принимает идеи перехода от формата «шестёрки» к формату «двойки». Однако американо-северокорейские контакты по существу уже возобновились. 4 и 5 августа 2009 г. бывший президент США Б. Клинтон совершил визит в Пхеньян, официальной целью которого было добиться освобождения из заключения в КНДР двух женщин–журналистов телевизионной компании США, арестованных на границе Северной Кореей с Китаем в марте 2009 г. В ходе визита состоялась встреча Б. Клинтона с северокорейским лидером Ким Чен Иром и обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Бывший президент США вернул на родину пленниц Северной Кореей и положил начало новому раунду американо-северокорейского диалога. Такое развитие событий отвечает интересам КНДР, стремящейся к прямым переговорам с США – теперь уже в статусе государства, обладающего ядерным оружием.

Что касается Японии, то она проиграла: по существу сбываются сделанные прежде прогнозы экспертов о том, что Токио может оказаться лишним на переговорах по поводу ядерной проблемы на Корейском полуострове. Тем более, что в жизненно важной сфере безопасности интересы Японии не во всём совпадают с интересами США. К тому же отдалается перспектива нормализации отношений Японии с КНДР.

Другим участникам, включая и Россию, также невыгодно прекращение шестисторонних переговоров, поскольку в перспективе они могли бы стать важным механизмом обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии. Поэтому важно продолжать усилия с целью их возобновления.

ПОЛВЕКА ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОМУ ДОГОВОРУ БЕЗОПАСНОСТИ

Нелидов Владимир Владимирович, магистрант МГИМО (у)

В период холодной войны японо-американское сотрудничество развивалось от состояния, напоминающего отношения метрополии и протектората в 1950-х годах, ко все более и более равноправному союзу. Однако о полном равенстве сторон речи не шло – несмотря на конкретизацию и повышение роли японской стороны, основной задачей сотрудничества была, прежде всего, защита Японии от возможной советской или китайской агрессии и превращение ее в верного младшего союзника США в Азии.

Первым документом, заложившим фундамент японо-американского союза, был «Договор о гарантии безопасности между Японией и Соединенными Штатами Америки» 1951 года, предоставивший США право на размещение в Японии и вблизи ее вооруженных сил. В 1960 году этот документ был заменен Договором о взаимном сотрудничестве и безопасности, и поныне определяющим развитие японо-американского оборонительного сотрудничества. В 1978 году приняты Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны, содержавшие четкие указания относительно действий сторон в случае нападения извне.

Стороны не ограничивались подписанием двусторонних документов по вопросам обороны: была создана разветвленная система двусторонних органов, обеспечивавшая реализацию взятых сторонами на себя обязательств, и служившая инструментом для разработки новых документов и программ. На протяжении всего послевоенного периода в Японии продолжали базироваться американские войска, пребывание которых хотя и вызывало нередко негативную реакцию местного населения, но, тем не менее, было одним из ключевых элементов японо-американской системы безопасности. Еще одним направлением оборонительного сотрудничества двух стран являлось совместное укрепление боевой мощи японских Сил самообороны, созданных с одобрения и при поддержке американской стороны и развивавшихся в значительной мере за счет американской помощи. К середине 70-х годов создаются кадровые вооруженные силы, по боевой мощи не уступающие ни одной из азиатских держав, за исключением КНР и КНДР. Приоритеты их развития были уточнены, когда в 1976 году были приняты Основные направления национальной обороны – рассчитанный примерно на 20 лет документ, ставший основой для концепции «базовых вооруженных сил», предусматривавшей ограничение целей военного строительства «минимально необходимым для самообороны уровнем».

В результате укрепления японского военного потенциала, уже с начала 1980-х годов Япония становится не просто «подопечным», но реальным военным союзником США. Но вплоть до конца 1980-х годов японские войска, несмотря на весь количественный и качественный рост боевой мощи, так и остались неспособными вести длительные действия даже по обороне собственной территории. Интересы Японии ограничивались получением гарантий, что в случае нападения третьей державы американские войска придут на помощь – как при помощи обычной военной силы, так и с использованием стратегического ядерного оружия.

С окончанием холодной войны вся отлаженная система двустороннего оборонительного сотрудничества разом потеряла смысл существования. Стороны были вынуждены искать новые формы для развития сотрудничества в условиях постбиполярного мира. В начале 1990-х имел место короткий период неопределенности, когда стороны не были уверены, стоит ли им продолжать тесное сотрудничество в военной области. Но уже к середине 1990-х годов и японские, и американские правящие круги поняли, что охлаждение отношений может повредить их интересам в регионе. Намерение сторон продолжить укрепление союза было выражено в подписанном 17 апреля 1996 года на саммите в Токио президентом Клинтон и премьер-министром Хасимото документе – «Совместной декларации о союзе безопасности на XXI столетие».

Япония, стремясь стать активным и эффективным союзником США на мировой арене, стала активно расширять свою вовлеченность в решение международных вопросов безопасности. С начала 1990-х годов был принят ряд законопроектов, позволивших отправлять

военнослужащих сил самообороны за рубеж для проведения миротворческих и спасательных операций, хотя на их деятельность и налагался ряд серьезных ограничений.

Новые тенденции в развитии союза были зафиксированы в новых «Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны» 1997 года, в «Основных направлениях программы национальной обороны» 1995 и 2004 годов. В сферу действия японо-американского союза фактически вошла часть Восточной Азии к северу от Филиппин, Тайваня, а также Корейский полуостров. Среди потенциальных угроз, которым должны противостоять японские Силы самообороны, - терроризм, последствия стихийных бедствий, угроза со стороны КНДР и КНР.

Значительный импульс развитию японо-американского союза был придан после террористических актов 11 сентября 2001 г. Японский парламент принял «антитеррористический» пакет законов, которые, среди прочего, позволили силам самообороны направлять в Индийский океан танкеры для дозаправки находящихся там американских судов, участвующих в антитеррористической операции в Афганистане. В июле 2003 года был принят закон о специальных мерах по восстановлению Ирака, позволивший Японии направить туда контингент инженерных войск, проработавший в стране до июля 2006 года. С 2009 года японские военно-морские силы принимают участие в международной операции против сомалийских пиратов. Одним из приоритетов двустороннего сотрудничества также является активно осуществляемое строительство системы противоракетной обороны японской территории.

Двустороннее оборонительное сотрудничество не обходится без трудностей: существующие в Японии конституционные ограничения все еще ограничивают ее свободу действий в области развития оборонительного потенциала; на протяжении 90-х годов остро стояла проблема статуса американских войск на Окинаве; замедлить развитие союза могут финансовые сложности. Не ясно, каким будет видение японо-американского союза у нового правительства, которое будет сформировано после парламентских выборов 30 августа 2009 года. Наконец, приход в США новой администрации может привести существенные коррективы в развитие японо-американского сотрудничества в области безопасности. Но в любом случае, это будет означать не отказ от союза с Японией, а лишь модификацию целей и задач этого союза, уже доказавшего свою гибкость и способность приспосабливаться к новым условиям. Сегодня, как и на протяжении всего послевоенного периода, сотрудничество с США остается для Японии внешнеполитическим приоритетом.

ЯПОНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Киреева Анна Андреевна, магистрант МГИМО (у)

За долгую историю отношений, насчитывающую практически две тысячи лет, отношения между двумя странами сменялись с дружеских и добрососедских на враждебные и агрессивные, включая две Японо-китайские войны 1894-1895 гг. и 1937-1945 гг. За чуть более чем полвека, прошедших со времени окончания Второй мировой войны, японо-китайские отношения пережили несколько этапов, последний из которых начался в 2006 году с визита премьер-министра Синдзо Абэ в Китай и его встречи с председателем КНР Ху Цзиньтао после продолжительного периода охлаждения отношений с 2001 по 2006 гг. Новый этап взаимоотношений характеризуется потеплением отношений в политической сфере при тесном экономическом сотрудничестве и гуманитарных обменах, а также подписанием четвертого документа, на основе которого строятся отношения между двумя странами, - Совместного китайско-японского заявления о всестороннем развитии стратегических взаимовыгодных отношений 7 мая 2008 года. С потеплением отношений в политической сфере начал набирать силу культурно-гуманитарный обмен, который очень важен для двух стран, так как он является позитивным фактором для поддержания нормальных отношений и в политической сфере. 2007 год превзошел все ожидания, став беспрецедентным по количеству встреч руководителей, в области двухсторонней торговли и гуманитарного сотрудничества. В 2008 году же исполнилось 30 лет со времени заключения китайско-японского Договора о мире и дружбе. Этот год побил рекорды предыдущих: было проведено шесть встреч на высшем уровне, в том числе прошел первый за последние 10 лет со времени приезда Цзян Цзэминя в Японию официальный визит КНР Ху Цзиньтао 6-11 мая 2008 года. В 2009 году положительная динамика продолжилась, и руководители провели несколько встреч на высшем уровне, констатируя значительный прогресс в двухсторонних отношениях. В связи с приходом к власти в Японии Демократической

партии начались дискуссии о возможном изменении взаимоотношений между Японией и Китаем, связанных с заявлениями ее лидеров о пересмотре японо-американского союза и об азиатской политике как важном приоритете Японии. Демократическая партия в своей программе отводит важное место отношениями между Китаем и Японией и планирует все больше углублять сотрудничество во всех сферах, в том числе в создании Восточноазиатского сообщества.

В действительности в китайско-японских отношениях, несмотря на позитивную динамику и декларирование лидерами стран настроенности на всестороннее сотрудничество, все еще остается множество неразрешенных противоречий, что обуславливается тем положением, которое страны занимают в мире. В настоящее время Япония и Китай являются ключевыми акторами в регионе Восточной Азии, они предстают в виде двух полюсов, формирующих региональный баланс сил и региональную подсистему международных отношений. Неудивительно, что Китай и Япония оказывают большое влияние друг на друга, а также на всю Восточную Азию. Отношения между двумя странами имеют продолжительную историю и характеризуются разнообразием противоречивых и взаимодополняющих тенденций, изменяющихся под воздействием множества разнонаправленных факторов. Китайско-японские отношения отличаются необычайной многомерностью, так как они включают не только политическое и экономическое измерение, но и отношения в сферах безопасности, энергетики, экологии, культуры и других.

В политической сфере взаимоотношения между странами определяются тем, что Китай, стремящийся стать одним из полюсов формирующегося международного порядка при партнерстве с Россией, в своих притязаниях на лидерство в Восточной Азии сталкивается с Японией, главной целью политики которой является приведение внешнеполитической мощи в соответствие с экономической, как второй по величине экономики мира. Китай и Япония являются стратегическими соперниками за лидерство в Восточной Азии, но одновременно являются и стратегическими партнерами, что проявляется в их взаимоотношениях в рамках различных интеграционных группировок, таких как АСЕАН +3, АРФ, АТЭС, ВАС, которое сочетает в себе элементы сотрудничества и противостояния. В целом же в отношениях между Китаем и Японией сохраняется военно-политический баланс, поддержанию стабильности которого способствуют внутре- и внешнеполитические факторы. Между Китаем и Японией существует целый ряд нерешенных проблем, обусловленный вышеперечисленными факторами. Их условно можно разделить на проблемы, вытекающие из статуса двух держав как полюсов силы в регионе (проблема Тайваня, взаимодействие в рамках региональных организаций и интеграционных группировок), территориальные проблемы (спор вокруг островов Сэнкаку, или Дяоюйдао) и проблемы, вытекающие из наличия разных представлений об историческом прошлом.

Проблема Тайваня, связанная с тесными связями Японии с Тайбэем и геополитическими вопросами, до сих пор остается одним из краеугольных вопросов в отношениях между Китаем и Японией. Острова Сэнкаку (Дяоюйдао) являются важной территориальной проблемой, так как на них претендуют Япония, КНР и Тайвань. На них часто происходят инциденты, связанные с высадкой японских, китайских или тайваньских активистов и разработкой газовых месторождений на шельфе Южно-Китайского моря. Один из основных факторов, который оказывает большое влияние на формирование японо-китайских отношений – это различное понимание ими истории и даже наличие различных картин мировосприятия. Для Китая и Японии проблема исторического прошлого долгое время была самой острой проблемой в двухсторонних отношениях, приводившая к конфликтным ситуациям, порождавшая недоверие и взаимные обвинения. С этим связана проблема извинений, фальсификации истории, учебников и посещения синтоистского святилища Ясукуни в прошлом премьер-министром Коидзуми.

Японо-китайские отношения являются хорошим примером практического подхода японской стороны к отношениям с другими странами, когда экономические и политические отношения тесно переплетены, и экономическое сотрудничество являются движущей силой политического диалога в частности и двухсторонних отношений в целом. Во многом благодаря экономическому наполнению двухсторонние отношения характеризуются большой степенью стабильности и устойчивости. Колоссальных размеров экономическое сотрудничество привело к тому, что экономики двух стран стали очень сильно зависеть друг от друга, таким образом, что сложилось даже своеобразное международное разделение труда: Япония поставляет в Китай технологии и капитал в виде инвестиций, а Китай предоставляет свои трудовые ресурсы и производственные мощности. Для Японии, которая с 2000-х перешла на инвестиционную модель, огромное значение играет прибыль от вложенных инвестиций, большая часть которых

сосредоточена именно в КНР. Китай, имеющий трудности в получении технологий непосредственно из США, видит в Японии прежде всего их источник, как японских, так и американских, прошедших через японский рынок. Японские технологии и японские инвестиции выступают ключом к модернизации китайской экономики. Для Японии же в свою очередь потенциально огромный растущий китайский внутренний рынок является залогом роста ее собственной экономики, так как она гарантирует постоянный спрос. Также возрастающая мощь экономики Китая заставляет экономику Японии претерпевать изменения, связанные с изменением ее характерных черт для повышения конкурентоспособности, именно из экономики Китая в Японию приходят стимулы развития.

Также гуманитарный обмен на протяжении всей истории японо-китайских отношений способствовал развитию политического диалога. Кроме этого, важным измерением в двухсторонних отношениях в начале XXI века стало энергетическое, так как Китай наряду с Японией стал одним из самых больших потребителей энергетических ресурсов. Китай также как и Япония, заинтересован в диверсификации источников энергии как гарантии своей энергетической безопасности. Для японской стороны вопрос экологии является одним из самых важных в ее внутренней и внешней политике. Япония придает большое значение вопросу экологии в Китае и выделяет на различные экологические проекты значительные средства.

Таким образом, на современном этапе отношения двух стран вновь показывают положительную динамику: ведется тесный диалог в политической сфере, происходят частые контакты на высшем уровне, до начала финансового кризиса происходило увеличение товарооборота, страны видят в сотрудничестве друг с другом средство скорейшего выхода из кризиса, активизируется культурный и гуманитарный обмен, восприятие в массовом сознании населения обеих стран улучшается, проводятся совместные экологические программы и т.д. Однако Китай и Япония остаются стратегическими соперниками в регионе Восточной Азии, и их отношения отягощены проблемами интерпретации прошлого, наличием спорных территорий, вопросом Тайваня, экологическими проблемами, конкуренцией за новые энергетические рынки и другими спорными моментами. Эти страны имеют различную внешнеполитическую и идеологическую ориентацию, и вряд ли представляется обоснованным говорить о разрешении всех спорных проблем в ближайшем будущем. Таким образом, невозможно говорить о превалировании тенденции к сотрудничеству или соперничеству в китайско-японских отношениях. Между странами сохраняется большой потенциал для решения спорных вопросов и сотрудничества в политической сфере и в сфере безопасности, расширении экономических связей, культурного обмена, но все это может быть реализовано только при наличии политической воли со стороны руководителей Китая и Японии. Так или иначе, именно отношения Китая и Японии будут определять вектор развития и будущее Восточной Азии и, в потенциале, возможность превращения региона в центр экономического роста в новом столетии.

Секция 2: «Япония и экономическая интеграция в АТР».

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ И ЯПОНИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙ РЕГИОНА И ИНИЦИАТИВЫ ПО ИХ ЗАКРЕПЛЕНИЮ

Такаси Тэрада

Понятие региона не обязательно исходит из строго географического фактора, оно означает некую структуру, действующую на основе региональной организации. В работе показано, каким образом понятие региона, каким образом в ходе различного рода взаимодействий оно распространилось среди стран-участников и как реальные процессы внутрирегионального сотрудничества и его институализации способствовали закреплению этого понятия. В Восточной Азии, где сложным образом переплетаются политические и экономические соображения разных стран, институализация межправительственных и внутриправительственных обменов и систем контактов может содействовать вычленению общих политических интересов и их реализации.

Основными объектами данной работы являются Азиатско-тихоокеанский экономический совет (АТЭС) и Экономический консультативный совет Восточной Азии (East Asia Economic Caucus), появившиеся после 1989 г., АСЕАН+3 (1997 г.), а также концепции Восточноазиатского сообщества и Восточноазиатского саммита, сформулированные в 2002 г.. В работе прослежен процесс развития восточноазиатского регионализма и роль в нем Японии, определены причины движущих факторов этих процессов. При этом борьба за лидерство между двумя крупнейшими державами региона, Японией и Китаем, играет движущую роль в процессе развития восточноазиатского сотрудничества.

Основное внимание следует уделить трем понятиям регионов: Азиатско-Тихоокеанского, Восточной Азии и Расширенной Восточной Азии. Каждое из них своим названием предполагает наличие соответствующего круга участников региональных организаций – АТЭС, АПТ или Восточноазиатского саммита. В статье сделана попытка дать ответ на вопрос, какой из акторов (государств) какие цели преследовал, добиваясь закрепления приоритетности понятий региона Восточной Азии либо Расширенной Восточной Азии, какие процессы и взаимодействия сопровождали усилия отдельных акторов в этом направлении.

Реализация восточноазиатского регионализма происходит под эгидой АСЕАН. На встречах глав государств АПТ, так же как и в случае с Восточноазиатским саммитом, руководители Японии, Китая и Южной Кореи неизменно рассматриваются как «гости», которым не предоставляется право принимающей страны. Это объясняется широко распространенной в ЮВА обеспокоенностью, что борьба за лидерство между Японией и Китаем окажет негативное влияние на восточноазиатское сотрудничество. Однако роль АСЕАН в основном заключается в определении мест проведения совещаний и условий участия в них, реальной же движущей силой в деле институализации сотрудничества выступают Япония и Китай, сопернические отношения между которыми продвигают вперед процесс восточноазиатского сотрудничества.

Соперничество Китая и Японии за лидерство в восточноазиатском сотрудничестве вызвало мультипликативный эффект, играя роль стержневого фактора для развития восточноазиатской интеграции. Это соперничество вызвало интерес к участию в региональных процессах Южной Кореи, зажатой между двумя этими странами. Стремление Японии подключить Австралию к процессам восточноазиатской интеграции и рождение в Токио нового, сильно политизированного понятия региона Расширенной Восточной Азии, по сути, также восходит к ее соперничеству с Китаем.

Таким образом, фактор соперничества имеет важное значение с точки зрения региональной политики Японии, способствуя укреплению ее отношений с АСЕАН. Например, главной причиной для принятия решения по вопросу о заключении Договора о дружбе и сотрудничестве с АСЕАН (Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, ТАС), являющимся условием для участия в Восточноазиатском саммите, для колебавшейся Японии стали опережающие действия Китая. Аналогично обстояло дело и с соглашениями о свободной торговле. Выдвинутое в 2002 г. Дз. Коидзуми предложение заключить ССТ с АСЕАН было сделано под влиянием факта заключения АСЕАН подобного соглашения с Китаем.

С этой точки зрения можно сказать, что проводимая Китаем активная политика восточноазиатского регионализма стала хорошим стимулом для того, чтобы Япония развивала свои отношения с АСЕАН. Например, заключенное Японией с АСЕАН Соглашение о свободной торговле позволяет установить отношения по формуле «давать и получать», при которой и Япония пользуется выгодами от снижения пошлин или предоставления дополнительных

гарантий своим инвесторам в странах-партнерах. В целом политику восточноазиатского регионализма Японии, чьи действия зачастую являются откликом на действия Китая, можно охарактеризовать как «вторично-активную», «догоняющую» по отношению к Китаю.

ЯПОНИЯ И МИРОВОЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Леонтьева Елена Львовна, к.э.н., ИМЭМО РАН

1. В конце XX – начале XXI века Япония «выбилась» из ритма экономической динамики развитых экономик. Лопнувший «финансовый пузырь» вызвал длительный застой, но высокая конъюнктура мирового рынка поддержала японский экспорт и предотвратила более глубокий спад.

«Потерянное десятилетие» оказалось автономным кризисом национальной экономики, возможно, последним в условиях глобализации, и своеобразной репетицией финансового кризиса 2007-2008 годов в США, ставшего общемировым.

В 2002-2007 г. была полоса экономического роста с невысокими темпами: годовые приросты ВВП в реальном выражении составляли среднем около 2% в год. В 2008 г. мировой финансовый кризис положил конец этому подъёму.

2. Экономика Японии пострадала от мирового финансового кризиса сильнее, чем большинство развитых экономик. Но Японию поразил не столько глобальный финансовый кризис (потери финансового сектора от операций с субстандартными ипотечными облигациями были небольшими), сколько вызванная этим кризисом мировая рецессия в реальной экономике и, соответственно, сокращение спроса на главные товары японского экспорта. Дополнительным барьером для японского экспорта стала ревальвация иены.

3. Санация финансовых учреждений, поведенная ещё в 1997-2002 годах, спасла экономику Японии от худшего, «американского» сценария с разорением крупнейших банков.

4. Как и в 1990-2002 годах, внешний рынок (на этот раз китайский) оказал поддержку японской экономике. В Японии восстановление экономики пошло не хуже, а пожалуй, даже лучше, чем в США и странах Евросоюза. Восстановление конъюнктуры началось не только благодаря экспорту, но также благодаря сильным мерам, принятым правительством для расширения потребительского спроса и поддержке бизнеса – не только крупных корпораций, но и малых и средних предприятий.

Пакеты бюджетных стимулов были проведены через парламент как дополнительные бюджеты (2008 и 2009 гг.) либо включены в основной бюджет на 2009-2010 финансовый год. Как и во всех развитых странах, «вливание» бюджетных денег в экономику увеличило государственный долг.

Государственный долг в нынешних масштабах «съедает» ресурсы, которые могли бы быть инвестированы в экономику, и затрудняет выполнение социальных обязательств государства.

5 Политическая система Японии, в которой 54 года господствовала ЛДП, исчерпала ресурс доверия избирателей. Но левых оппозиционных сил в стране нет, и ДПЯ аккумулировала настроения социального недовольства, совершенно естественные для экономического кризиса. Многие недостатки и даже пороки политической системы давно вызывали недовольство широкой публики. Но приход к власти ДПЯ сопровождался популистскими обещаниями, выполнение которых пока только усиливает бюджетный кризис. У кабинета Хатоямы нет стратегического плана для пост-кризисного развития страны.

Есть основания опасаться, что экономика Японии потеряет темп на старте. Позитивные условия для её восстановления в 2010-2011 г. может, как и раньше, дать потенциал китайского рынка.

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР

Хузиятов Тагир Даутович, Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток

В отличие от многих других стран, которые вопреки декларациям активно используют явные и скрытые инструменты протекционизма, Япония продолжает линию на либерализацию внешнеэкономических связей и всестороннюю экономическую интеграцию со странами АТР,

провозглашенную в «Стратегии нового экономического роста»¹ и «Глобальной экономической стратегии» (2006 г.)².

Так, изданная Министерством экономики, торговли и промышленности (МЭТП) Японии «Белая книга по внешней торговле» за 2009 г. имеет подзаголовок «Глобальная экономическая стратегия преобразования кризиса в возможности»³. В документе, в частности, определяются направление развития японской экономики в условиях кризиса, а также глобальная экономическая стратегия и внешнеэкономическая политика страны.

В 2002-2007 гг. японская экономика находилась на подъеме, который поддерживался, прежде всего, внешним спросом. Экспортная квота (отношение объема экспорта к ВВП), отражающая зависимость экономики от экспорта, увеличилась с 10% в 2000 г. до 17,6% в 2007 г., хотя и оставалась ниже, чем в ряде других стран (Великобритания и Франция – на уровне 25-26%, Германия, Китай и Республика Корея – на уровне 40-46%; США – около 12%). В условиях кризиса японский экспорт, представляющий, в основном, продукцию с высокой добавленной стоимостью (автомобили, электро- и общее машиностроение), столкнулся с падением спроса на мировых рынках, особенно в развитых странах, что негативно сказалось на общем состоянии экономики.

В то же время, как показал кризис, в азиатских и других странах с развивающимися рынками продолжается экономический рост. Более того, здесь формируется т.н. азиатский средний класс, к которому относятся семьи с располагаемыми годовыми доходами 5-35 тыс. долл. Численность азиатского среднего класса увеличилась за 1990 – 2008 гг. со 140 млн. до 880 млн. чел., причем половина из них проживает в Китае. Таким образом, рынки развивающихся экономик предоставляют японским компаниям отличные возможности, хотя им предстоит все сильнее конкурировать с корейскими и китайскими компаниями. Для успешного освоения азиатских рынков предполагается все большая локализация производства и закупок, а также опора на местный персонал.

Отметим, что на страны Восточной Азии в 2008 г. пришлось около 47% японского экспорта и 38% импорта. Китай стал основным торговым партнером Японии (торговый оборот - 266 млрд. долл.), а объем импорта из Китая фактически равен совокупному японскому импорту из США и ЕС⁴.

Кроме того, весьма перспективным партнером Японии становится Индия.

К приоритетным направлениям внешнеэкономической политики Японии на ближайшие годы отнесены следующие:

- 1) интегрированные меры внутри- и внешнеэкономического характера;
- 2) развитие инноваций в «зоне объема» (на развивающихся рынках);
- 3) глобальное развертывание «низкоуглеродистой революции» (сокращение вредных выбросов);
- 4) многоуровневое сотрудничество, включая промышленную кооперацию, со странами, богатыми природными ресурсами.

Интеграция мер внутри- и внешнеэкономического характера предполагает, что в дополнение к стимулированию внутреннего спроса Япония будет прилагать усилия, направленные на экономический рост в Азии и вместе с Азией, имея в виду формирование здесь глобального центра роста.

Ставится, в частности, задача продвижения концепции удвоения размеров азиатской экономики; для расширения спроса здесь планируется, в частности, сотрудничество в реализации инфраструктурных проектов и в формировании системы социального обеспечения. Япония возлагает большие надежды на созданный в 2008 г. по ее инициативе Институт экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии (ERIA), который в перспективе призван стать «мозговым трестом», азиатским аналогом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Кроме того, Япония планирует в полной мере использовать свои возможности как страны-организатора саммита АТЭС в 2010 г. по развитию экономического сотрудничества в регионе.

Другая практическая задача – все большая либерализация торговли и инвестиций, а также предотвращение протекционизма. Здесь, в частности, предусматриваются расширение сети соглашений о свободной торговле (ССТ) и экономическом партнерстве (СЭП) как

¹ http://www.meti.go.jp/policy/economy/keiei_innovation/keizaihousei/s_senryaku.html

² <http://www.meti.go.jp/press/20060412001/g.senryaku-houkokusho-set.pdf>

³ <http://www.meti.go.jp/report/tshaku2009/index.html>

⁴ http://www.jetro.go.jp/en/reports/white_paper/

двустороннего, так и многостороннего характера, а также усилия по успешному завершению переговоров в рамках Раунда Доха ВТО.

Отметим, что Япония уже имеет действующие ССТ и/или СЭП с отдельными странами АСЕАН, а также с АСЕАН в целом, и ведет соответствующие переговоры с Китаем и Кореей (в двустороннем и трехстороннем форматах), а также с рядом других стран АТР.

На состоявшейся накануне Саммита АТЭС в Сингапуре в ноябре 2009 г. представительной международной конференции министр иностранных дел Японии К. Окада и министр экономики, торговли и промышленности Японии М. Наосима заявили о готовности к активизации переговоров по созданию зоны свободной торговли в АТР. При этом рассматриваются три возможных формата: 1) Восточноазиатское соглашение о свободной торговле (АСЕАН+3); 2) Всеобъемлющее экономическое партнерство Восточной Азии (АСЕАН+3+Австралия, Новая Зеландия, Индия); 3) Азиатско-тихоокеанская зона свободной торговли (транстихоокеанская зона)⁵.

Япония ведет мониторинг выполнения странами и регионами международных договоренностей по режиму торговли, в том числе, в условиях кризиса, и доводит свою позицию по поводу принятия протекционистских мер до соответствующих правительств и организаций⁶. Вопреки устойчивому мнению о Японии как стране с высокими протекционистскими барьерами, и статистика, и анализ внешнеэкономических мер японского правительства, скорее, говорят о том, что в Японии сформировался один из самых либеральных внешнеторговых режимов, а в условиях экономического кризиса правительство практически не использовало дополнительных защитных мер.

Например, с сентября 2008 г. по июнь 2009 г. в Китае было принято 7 мер по ограничению импорта, в России – 9, в США – 9, в ЕС – 13, в Японии – всего одна⁷.

Развитие инноваций в «зоне объема» подразумевает нацеленность на сегмент среднего класса в странах Азии и других развивающихся экономиках. Здесь, в частности, предполагается разработка технологий снижения издержек при сохранении качества, активный маркетинг в указанном сегменте, поддержание условий для производства лицензированной продукции (через инвестиционные соглашения и соглашения об охране прав интеллектуальной собственности), отмена двойного налогообложения и др. Если до сих пор японские компании ориентировались, в основном, на верхний слой среднего класса и имели там прочные позиции (с высокой нормой прибыли), то теперь речь идет об освоении среднего слоя (норма прибыли низкая, но потенциально высокий объем).

Глобальное развертывание «низкоуглеродистой революции» означает формирование системы международного сотрудничества в целях сохранения энергоносителей и сокращения вредных выбросов, в частности, углекислого газа, а также продвижение стратегии по созданию за рубежом производств, основанных на чистых технологиях, в которых Япония является лидером.

Наконец, многоуровневое сотрудничество, включая промышленную кооперацию, со странами, богатыми природными ресурсами, предполагает дополнение дипломатии высокого уровня дипломатией такими мерами, как направление миссий (государственных и частных); заключение соглашений об экономическом партнерстве и инвестиционных соглашений; поддержка ресурсных экономик через предоставление технологий и построение отношений взаимности; усиление международных обменов по всем направлениям, включая туризм, образование и др.

Таким образом, Япония в рамках своей внешнеэкономической стратегии выделяет ряд перспективных направлений, среди которых, безусловно, приоритетным является региональная экономическая интеграция со странами Азии, но в которых и для российско-японских экономических отношений появляются вполне определенные возможности для развития подлинного взаимодействия.

⁵ Straits Times, 11.11.2009

⁶ <http://www.meti.go.jp/report/data/g90527c01j.html>

⁷ Urata, Shujiro. *Battling Protectionism in the Global Financial Crisis. Global Asia, Vol. 4, # 3, 2009, pp. 76-81.*

РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ АТР И ЯПОНСКАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: 1990-2000 ГОДЫ

Ковригин Евгений Борисович

Став второй экономической державой мира, с 1970-х годов Япония последовательно наращивала предоставление «официальной помощи развитию» (ОПР), т.е. низкопроцентных займов и безвозвратных субсидий (даров), развивающимся странам, в первую очередь расположенным в Тихоокеанской Азии (на долю «фаворитов» – КНР и членов АСЕАН – приходилась львиная доля – до 2/3 всех потоков помощи). К 1989 году по размеру этих трансфертов она обогнала США и на 12 лет (за исключением одного года) стала настоящим «локомотивом» помощи. Если в 1975 г. объём японской ОПР составил около 1,1 млрд. долл, то в 1995 г. эта сумма поднялась почти до 15 миллиардов долларов. В некоторые годы из Токио в столицы развивающихся государств направлялось до 1/4 всей суммарной помощи от держав, входящих в ОЭСР. По приблизительным подсчетам в 1954-2008 год Япония направила в «третий мир» помощи в объеме 250 миллиардов долларов.

Японская ОПР диктовалась рядом приоритетов, которые менялись с ходом времени, но основными среди которых были: 1) поддержание благоприятного климата в отношениях с наиболее важными развивающимися странами, 2) создание там промышленной инфраструктуры, необходимой для того чтобы «подтянуть» их до такого уровня, при котором они могли принимать у себя японские инвестиции и быть эффективными торговыми партнерами, 3) поддержка международной стратегии Запада, точнее США (борьба с мировым коммунизмом, с международным терроризмом и т.д.). Массированные потоки ОПР были призваны также подкрепить если не лидерство, то по крайней мере, достаточное влияние Японии в этом регионе. Частично она сумела поднять и укрепить свой авторитет в ряде азиатских стран. Одновременно последние за счет Японии смогли поднять уровень своей отсталой инфраструктуры и создать новые отрасли производства. Японской помощи ждало, требовало и добивалось множество менее развитых государств в АТР и за ее пределами. Она действительно являлась важным источником международного экономического динамизма.

Тем не менее, было бы неверным ее и преувеличивать «мягкую силу» японской помощи. С середины 1990-х годов в самой Японии стало крепнуть мнение о том, что в том виде, в каком она сложилась, ОПР плохо служит национальным интересам (особенно в Китае), требует более экономного использования, большего контроля на исполнением и неотложных реформ по существу. Начиная с этого времени, размеры льготных трансфертов стали «буксовать», их неуклонный рост прервался.

Несмотря на лидирующие позиции Японии, едва ли не все аспекты её экономического сотрудничества подвергались серьезной критике также извне – от других государств-доноров, от международных организаций и от стран-получателей. В перечень обвинений и сетований в адрес японской ОПР вошли низкая доля ассигнований на эти цели в валовом национальном продукте; чересчур коммерческий характер, т.е. желание получить немедленную отдачу; предоставление Японией помощи коррумпированным и антинародным правительствам и многое другое. За всей этой критикой в самом деле стоят реальные и труднорешаемые проблемы.

С начала 21 столетия кабинеты Либерально-демократической партии взяли четкий курс на ежегодное и крупное снижение субсидий развивающемуся миру. В итоге «флагман» помощи оказался на 6 месте, с перспективой уступить его даже Италии. Немаловажно отметить, что в программных документах пришедшей к власти на выборах в сентябре 2009 года Демократической партии ни слова не говорится о планах партии в отношении помощи развивающимся странам. Помимо общего снижения глобальной экономической роли Японии, для «упадка» имеются и более конкретные причины, связанные как с внутринациональными (тревожная демографическая ситуация), так и с международными переменами.

Пожалуй, наиболее ярко перемены в географической адресности и формах японских программ помощи проявились применительно к Китаю. Китай более 20 лет являлся японским «фаворитом», будучи при этом страной с абсолютно чуждым Японии политическим режимом. Займы и дары из Токио существенно помогли в развитии транспортной и иной инфраструктуры с КНР и ее социальной сферы. С другой стороны, без своей помощи Япония определенно не добилась бы современных мощных позиций в экономике этой страны. Однако политического влияния на Пекин японские миллиарды не принесли. В главе рассматриваются многочисленные действия Китая, которые прямо противоречили японским международным целям и её официальной «Хартии ОПР». Некогда вполне благожелательное к Китаю японское общественное мнение неуклонно двигалось в худшую сторону. В результате перепетий японо-

китайских отношений 2008 год стал последним годом обширных программ двустороннего сотрудничества.

Связи по линии помощи между Японией и странами АСЕАН получили иную конфигурацию. Эти отношения фактически являлись основой японской дипломатии в регионе, отражая важность блока для японской внешней торговли и инвестиций. Как и в случае с Китаем, японская ОПР в данном регионе выполняла роль «смазки». Со временем несколько «старых» членов АСЕАН – не в последнюю очередь за счет японской помощи – экономически «созрели», и их потребности в льготных вливаниях из Японии сократились (важным исключением пока является Индонезия). В то же время расширение рядов Ассоциации в 1990-х годах прибавило число бедных, но «интересных» для Японии, стран. На данном этапе Вьетнам и другие индокитайские страны, а в дальнейшем и Мьянма (Бирма) потребуют неослабного внимания и крупных сумм со стороны Токио. Курс «назад в ЮВА» вряд ли позволит Ассоциации, взятой в целом, потерять роль главного фаворита при распределении японской ОПР.

Вторым по важности адресатом льготных трансфертов из Японии на перспективу представляется Индостанский полуостров, причем Индия, скорее всего, заменит Китай как получатель помощи номер 1, поскольку это вполне вписывается в японскую концепцию всеобъемлющей национальной безопасности. Наконец, третьим важным фронтом будущей японской помощи видится Африка, точнее государства южнее Сахары, многие из которых фактически являются экономическими банкротами, но обладают значительными природными ресурсами.

Скорее всего, сокращение ассигнований для ОПР продолжится и при новом кабинете Юкио Хатоямы. Что идет на смену этой форме экономического сотрудничества? В 2002-2008 гг. Япония подписала так называемые соглашения о свободной торговле (ССТ) или соглашения об экономическом партнерстве (СЭП) со всеми главными странами-членами АСЕАН (пока кроме трёх наиболее бедных из них). Сверх того, в 2007 году было заключено соглашение с АСЕАН как с группировкой в целом. Таким образом, практически вся Юго-Восточная Азия оказалась закольцованной с Японией в торговом отношении. По мнению автора, по крайней мере по отношению к этому региону, происходит смена парадигмы японской внешнеэкономической политики – от ОПР к преференциальной торговле. Со временем этот процесс, по-видимому, распространится на другие развивающиеся страны и регионы. Соответственно, дело идет к тому, что помощь перестанет быть доминирующим инструментом во взаимоотношениях с развивающимся миром, превратившись в вспомогательный, хотя и важный, инструмент. В количественном выражении время её расцвета действительно ушло. Но на повестке дня стоят реформы и оптимизация льготных трансфертов, ибо как еще 10 лет назад отмечала авторитетная комиссия японских экспертов (комиссия Кусано), «даже в рамках урезанного бюджета имеются многочисленные рычаги, благодаря которым Япония может достичь даже более весомых результатов».

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ТОРГОВОГО БЛОКА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Суслов Д.В., ИЗИ ДВО РАН

По сравнению с Европой и Северной Америкой, Восточная Азия остается единственным основным экономическим регионом в мире без какого-либо общего торгового блока. Кроме того, учитывая растущую взаимозависимость восточноазиатских экономик во внешней торговле и инвестициях, очевидность создания регионального торгового блока не вызывает сомнений. Однако, для этого существуют и серьезные препятствия, такие как значительные различия в уровне экономического и социального развития стран региона, так и нехватка общего понимания интеграционных процессов и координации политики отдельных стран региона. В этих условиях научное сообщество стремится внести свой вклад в решение данной проблемы. Исследования сосредотачиваются на анализе существующих Соглашений о свободной торговле (ССТ) между восточноазиатскими странами, структуре их тарифных уступок, правилах происхождения товаров, регулировании инвестиций и торговли услугами, потенциальных эффектах для каждой экономики и региона в целом. Используя результаты этих исследований, можно оценить как перспективы формирования восточноазиатского торгового блока, так и предложить его желательный тип.

Каковы же перспективы создания общего торгового блока в Восточной Азии? Для ответа на этот вопрос, во-первых, необходимо оценить экономическую целесообразность и обоснование этой идеи, основные препятствия для ее реализации, задачи и возможности для

ее решения. Во-вторых, необходимо представить возможные сценарии, этапы и временной горизонт формирования восточноазиатского торгового блока, а также его основных участников.

1. Целесообразность создания восточноазиатского торгового блока.

Почему эта идея не теряет своей актуальности и представляет несомненный интерес для стран региона? По нашему мнению, объяснением этого могут служить продолжающиеся процессы формирования двусторонних ССТ между странами региона и растущая взаимозависимость их экономик вместе со следующими факторами.

Защитная реакция стран Восточной Азии процессам регионализации в мире, которые стали общемировой тенденцией с начала 1990-х годов. В настоящее время мы наблюдаем доминирование двух крупнейших мировых торговых блоков: в Европе и в Америке. Европейский союз принял в свои ряды в 2004 г. десять новых членов, что довело их общее число до двадцати пяти. Успешное функционирование НАФТА подтолкнуло 34 американские страны к идеи создания Всеамериканской зоны свободной торговли. На фоне быстро развивающихся процессов регионализации в Европе и Америке восточноазиатские страны явно уступали им в этом процессе.⁸ К началу 21 века страны Восточной Азии смогли стать важнейшим центром экономического роста и торговли в мире, но по-прежнему так и не сформировали какой-либо значащий региональный торговый блок. Таким образом, движение стран региона к созданию общего торгового блока основано больше на защитных механизмах, чем на собственной инициативе.

Технические причины преодоления эффекта "Spaghetti Bowl". В разгар Азиатского финансового кризиса некоторые восточноазиатские страны с запозданием решились наполнить собственный «багаж» соглашений о свободной торговле. За короткий период времени в регионе было заключено множество новых ССТ. Более того, проведения этими странами активной торговой политики по заключению все большего числа ССТ приобретает форму устойчивой тенденции. Принимая во внимание текущую разобщенность интеграционной политики в регионе, его страны в скором времени могут столкнуться с т.н. эффектом "spaghetti bowl".⁹ Другими словами сложность применяемых странами региона правил происхождения товаров в рамках заключенных двусторонних ССТ может стать барьером внутрирегиональной торговли. Следовательно, создание общих единых правил происхождения товаров в рамках общего восточноазиатского блока выглядит предпочтительнее, чем их использование в большом числе двусторонних ССТ.

Растущая взаимозависимость экономик стран Восточной Азии. Как и для других крупных торговых блоков, так и для Восточной Азии, экономическая целесообразность их формирования обусловлена масштабами общего рынка, его доступностью и большей эффективностью. Уже к 2005 г. на страны Восточной Азии приходилось более пятой части (20,7%) общемирового ВВП. Более того, разумным объяснением создания восточноазиатского торгового блока выступает растущая взаимозависимость стран региона во внешней торговле и инвестициях. Так, доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии (страны АСЕАН, Япония, Китай, Корея, Гонконг и Тайвань) выросла с 40,6% в 1990 г. до 52,2% в 2005 г. При этом эта же доля для стран АСЕАН+3 за аналогичный период повысилась с 28,9% до 39,9%. Хотя доля внутрирегиональной торговли в Восточной Азии в 2005 г. была ниже, чем в ЕС (58,2%), она все еще превышает аналогичный показатель для НАФТА (43%). При этом доля внутрирегиональных прямых инвестиций для стран АСЕАН+3 (Япония, Китай, Корея) за период 1990-2003 гг. выросла с 26,6% до 47,5%. Интеграция восточноазиатских экономик во внешней торговле и инвестициях происходила с минимальным вмешательством правительств стран региона. Формирование общего торгового блока в регионе, несомненно, внесет свой вклад в дальнейшее интегрирование их экономик между собой.

Видение Восточноазиатского Сообщества. Если восточноазиатские страны придут к созданию регионального сообщества (по типу Европейского союза), формирование общего

⁸ На начало 2009 г. в мире насчитывалось 230 действующих ССТ (ратифицированных в рамках ГАТТ/ВТО) и только 40 соглашений приходилось на восточноазиатские страны. (http://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm).

⁹ Кроме того, ССТ усложняют и без того сложную систему международной торговли, вводя специальные правила между партнерами, которые являются по существу подрывом правил в рамках многосторонней торговой системы. Создается т.н. 'эффект изоляционной трубки', сопряженный с дифференцированием правил происхождения товара, сроков либерализации тарифов, таможенных процедур и льготных уступок в различных областях регулирования коммерческой деятельности (например в инвестициях, правах на интеллектуальную собственность, лицензировании деятельности на рынках, санитарных, фитосанитарных правилах и т.п.).

торгового блока станет неизбежным. Сформированная по итогам встречи на высшем уровне стран АСЕАН+3 в Ханое Группа Видения Восточной Азии (East Asia Vision Group - EAVG) предоставила отчет о своей работе странам-участницам в 2001 г. Группой было предложено собственное видение "Восточноазиатского Сообщества", и рекомендовано формирование зоны свободной торговли в регионе, подобно зафиксированным решениям в Богорской декларации стран АТЭС. Позже, в 2002 г. Группа по изучению Восточной Азии (East Asia Study Group - EASG) подтвердила эти же рекомендации, отметив при этом, что они будут полезны в понимании видения восточноазиатского развития в целом и предложила создание общего торгового блока в регионе как одну из девяти среднесрочных и долгосрочных целей. Принимая во внимание существенную дифференциацию экономического и социального развития стран региона, а также нехватку общего понимания и координации интеграционных процессов, «Восточноазиатское сообщество» будет существенно отличаться от Европейского сообщества, но как показывает опыт его формирования, оно начинается с институционализации интеграционных процессов.

2. Основные препятствия для создания восточноазиатского торгового блока.

Несмотря на существенные преимущества и необходимые предпосылки, формирование единого торгового блока в Восточной Азии сталкивается с большим числом препятствий, среди которых можно выделить следующие.

Различия в уровне экономического и социального развития стран региона. Восточная Азия включает в себя ряд стран, сильно отличающихся друг от друга по основным параметрам экономического и социального развития. В широком смысле, кроме уже упоминавшихся стран, регион также охватывает КНДР, Монголию и Дальний Восток России. Даже без них существенная дифференциация уровня экономического развития между странами АСЕАН+3 очевидна. Отличаются они друг от друга не только языком, верой, но и различными политическими системами. При этом разница в численности населения, масштабах и уровне развития экономик между странами региона выглядит огромной, что по нашему мнению является одним из самых существенных препятствий формирования общего торгового блока.

Противоборство между Японией и Китаем за лидерство в регионе. Это противостояние сыграло позитивную роль в распространении серии ССТ в регионе. Например, более ранняя китайская инициатива по созданию ССТ с АСЕАН побудило японское правительство прийти к аналогичному предложению. Несмотря на это, противостояние двух крупнейших экономик региона в долгосрочной перспективе может стать серьезной помехой формирования общего торгового блока в Восточной Азии. В частности, малая вероятность заключения ССТ Япония-Китай в ближайшей перспективе, также как и предложение японского правительства включить Австралию, Новую Зеландию и Индию вместе со странами АСЕАН+3 в восточноазиатский торговый блок, вызывает огромные сомнения по поводу его быстрого формирования.

Чувствительные сектора в экономиках стран региона. Наличие сравнительно слабых секторов в экономиках стран региона, с одной стороны, аграрный сектор в Японии и Кореи и, с другой стороны, ряд производственных секторов и сферы услуг в наименее развитых странах региона по всей вероятности станут предметом их защиты со стороны правительств и заинтересованных сторон стран Восточной Азии, что негативно скажется на перспективах формирования единого торгового блока.

Распространение двусторонних ССТ между восточноазиатскими странами, также как и успех стран региона в гармонизации правил происхождения товаров в своих двусторонних ССТ могут подорвать их интерес к созданию единого торгового блока в ближайшем будущем.

Нехватка общего понимания интеграционных процессов и координации политики отдельных стран региона являются фундаментальными проблемами формирования восточноазиатского торгового блока наряду с отсутствием духа общности развития и сотрудничества. Особенно это очевидно для стран Северо-восточной Азии (Японии, Китая и Кореи), на которые приходится 90% экономического потенциала всего региона. Именно в них ярче всего проявляется антагонизм в стремлении быть частью единой Восточной Азии вместе с соседними странами и допускается возможность исключения друг друга из этого сообщества.

3. Сценарии создания восточноазиатского торгового блока.

Тенденция распространения все большего числа двусторонних ССТ в Восточной Азии позволяет говорить о сценарии формирования единого торгового блока через серию создания ССТ по формуле АСЕАН+1. Так как к настоящему времени Китай, Япония и Корея преследовали создание индивидуальных ССТ со странами АСЕАН, то в момент их реализации они могут стать рамочной основой формирования единого восточноазиатского торгового блока.

В 2004 г. Китай и страны АСЕАН подписали Соглашение о торговле товарами, которое вступило в силу 1 июля 2005 г. Переговоры по соглашению в сфере услуг и инвестиций

продолжаются и должны закончиться в ближайшем будущем. В апреле 2006 г. Корея и страны АСЕАН (за исключением Таиланда) заключили аналогичное соглашение. В дополнении к этому в апреле 2008 г. Япония и страны АСЕАН подписали соответствующее ССТ, которое вступило в силу в конце 2008 г. Основные преимущества развития событий по такому сценарию заключаются в начале формирования схожих по типу ССТ по формуле АСЕАН+1. Сейчас уже можно говорить о сходстве структур тарифных уступок в торговле товарами в рамках соглашений Китай-АСЕАН и Корея-АСЕАН.

Однако, также ясно представляются и ограничения для реализации этого сценария. Во-первых, должны быть заключены двусторонние или трехстороннее ССТ между Японией, Китаем и Кореей. Дополнительно к этому, как уже отмечалось, в связи с различием уровней экономического развития между странами АСЕАН не следует ожидать при этом формирования качественного единого восточноазиатского торгового блока. Во-вторых, будет ли значительно ускорено формирование восточноазиатского торгового блока при наличии трехстороннего или двусторонних соглашений между Японией, Китаем и Кореей? Принимая во внимание сложные отношения на высшем уровне между этими странами, заключение подобных соглашений в ближайшем будущем представляется маловероятным.

Что касается двусторонних ССТ между странами СВА, то переговоры относительно соглашения Корея-Япония, которые начались в декабре 2003 г., находятся в настоящее время в безысходном состоянии. Также было проведено совместное исследование по обоснованию создания ССТ между Китаем и Кореей, а совместное исследование с привлечением деловых кругов, правительств и ученых Японии, Китая и Кореи продолжается с 2003 г. Поэтому, существует некоторая надежда, что двусторонние соглашения Корея-Япония и Корея-Китай могут реализоваться вместо (или до) создания их трехстороннего аналога.

Наконец, формирование единого торгового блока в регионе могло бы пойти по другому сценарию с использованием существующей структуры АСЕАН+3. После первой встречи на высшем уровне АСЕАН+3 в декабре 1997 г. ее формат был определен как форум регионального экономического сотрудничества в Восточной Азии. Именно в рамках структуры АСЕАН+3 и групп по изучению развития региона (EAVG и EASG) было рекомендовано формирование единого торгового блока. Совместная экспертная группа по обоснованию его создания приступила к работе после достигнутых решений на встрече министров экономик АСЕАН+3.

Однако, этот процесс может быть сложным и дорогостоящим как в отношении времени и усилий, а консенсус между всеми странами-участниками может быть трудно достижимым. Хотя ССТ АСЕАН+1 и ССТ Япония-Китай-Корея (или ССТ Корея-Япония и ССТ Корея-Китай) смогут облегчить формирование единого торгового блока, заключительные решения по его созданию по всей вероятности будут приняты в рамках структуры АСЕАН+3. Однако, появление в 2005 г. встречи на высшем уровне в рамках Восточноазиатского саммита в дополнение к странам АСЕАН+3 расширило число потенциальных участников единого торгового блока в регионе, к которому могут присоединиться Австралия, Новая Зеландия и Индия. Эта новая структура (АСЕАН+6) также отражает и предпочтения японского правительства, что может сделать переговорную ситуацию более сложной, подняв, таким образом, проблему членства в восточноазиатском торговом блоке.

4. Члены восточноазиатского торгового блока.

Первым ключевым вопросом членства в восточноазиатском торговом блоке является то, будет ли он создан только для стран региона, или будет открыт для других потенциальных стран-участниц, прежде всего из Северо-восточной Азии и АТР в целом.

Вторым важным вопросом будет то, какие именно страны дадут начало формированию этого блока. Так как, например, Япония по некоторым причинам предпочитает начать его формирования в рамках АСЕАН+6 вместо АСЕАН+3, то проблема членства каждой страны в едином блоке может углубить разногласия во время его создания и стать главным камнем преткновения, особенно на первоначальной стадии переговоров.

Учитывая внешнюю ориентацию экономик многих восточноазиатских стран, членство в восточноазиатском торговом блоке не должно быть ограничено только странами региона. Однако, на первоначальной стадии его формирования более реалистичным представляется участие в нем только стран АСЕАН+3 из-за уже сформированных в их рамках интеграционных структур. В долгосрочной перспективе восточноазиатский торговый блок может быть расширен за счет Австралии, Новой Зеландии и Индии, а также быть открыт для включения в него стран Северо-восточной Азии.

5. Временной горизонт создания восточноазиатского торгового блока.

Воплощение всех вышеупомянутых сценариев, вероятно, вызовет одновременные синергетические эффекты для восточноазиатской экономической интеграции. Однако, время создания единого торгового блока в регионе будет изменяться в зависимости от продвижения продолжающихся переговоров по ССТ, типу предполагаемого торгового блока и в особенности от политической воли и решений восточноазиатских лидеров. При этом нужно учитывать следующие факторы:

- группа видения Восточной Азии рекомендовала формирование единого регионального торгового блока в свете решений, закрепленных Богорской декларацией стран АТЭС, которой предусмотрено создание зоны свободной торговли и инвестиций между развитыми странами АТЭС к 2010 г., а между развивающимися странами – к 2020 г.;

- лидеры стран АСЕАН договорились о создании Экономического сообщества стран АСЕАН, которое станет "единым рынком и базой производства к 2015 г." Так как оно будет представлять собой соглашение о свободной торговле по типу ССТ-плюс с элементами общего рынка, то могло бы стать подсистемой общерегионального торгового блока;

- реализация вступивших в силу ССТ АСЕАН-Корея, АСЕАН-Китай и АСЕАН-Япония в ближне- и среднесрочной перспективе.

Таким образом, можно предположить, что восточноазиатские страны начнут переговоры по созданию единого торгового блока в рамках наиболее вероятной структуры АСЕАН+3 уже в 2010 г., а его формирование произойдет не позднее 2012 г.

МЕЛКИЕ И СРЕДНИЕ ФИРМЫ ЯПОНИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Лебедева Ирина Павловна, д.э.н.

В последние годы в системе внешнеэкономических связей Японии восточноазиатский регион занял центральное место. На него приходится почти половина стоимости японского экспорта и более 40 % объема японского импорта. Здесь создана крупнейшая зарубежная производственная база японской промышленности, совокупный потенциал которой составляет порядка 10 % промышленного потенциала самой Японии.

Хотя с японской стороны основными контрагентами восточноазиатских стран в экспортно-импортных операциях и по линии осуществления прямых инвестиций выступают крупные компании, немаловажная роль принадлежит и малому бизнесу страны. Причем для этой категории предприятий экономические связи с восточноазиатскими странами оказываются существенно более значимыми, чем для крупных компаний.

Общее число предприятий, созданных мелкими и средними фирмами Японии в Восточной Азии, к началу 2007 г. достигло почти 5 тыс., несколько более половины из них оперируют в непромышленных отраслях, и немногим менее половины – в промышленности. Особенностью последних лет стало то, что сеть непромышленных филиалов японских фирм в Восточной Азии расширялась быстрее, чем сеть промышленных филиалов.

Среди пришедших в Восточную Азию мелких и средних промышленных фирм весьма высока доля тех, кто работает по подрядам на головные фирмы. Это связано как с особенностями организации промышленного производства в Японии, так и с необходимостью соблюдения определенных требований в отношении доли деталей и материалов местного производства в стоимости продукции, которые выдвигались практически всеми восточноазиатскими странами.

С приходом в Азию мелких и средних фирм, выпускающих различную промежуточную продукцию, объемы поставок деталей и материалов местного производства на сборочные заводы японских компаний стали довольно быстро нарастать. Так, согласно данным одного из последних обследований ДЖЭТРО, в 2008 г. в Китае эта доля составила 51,5 %, из которых 19 % обеспечили японские филиалы, в АСЕАН 4 – 43 %, из которых на японские филиалы пришлось около половины.

В целом отраслевой состав филиальной сети мелких и средних фирм Японии в Восточной Азии весьма разнообразен – наряду с производителями деталей и материалов здесь есть немало предприятий по выпуску конечной продукции (одежды, обуви, посуды, мебели, игрушек, велосипедов и т.д., в том числе и для экспорта в Японию)), а также самые разные виды непромышленных предприятий, занимающихся оптовой и розничной торговлей, строительством, гостиничным и ресторанным бизнесом, предоставлением информационных услуг и т.д.

Пришедшие в Восточную Азию мелкие и средние предприятия сталкиваются здесь с целым рядом проблем, таких как трудности с наймом квалифицированных технических специалистов и управленцев, высокая текучесть кадров, невозможность применения японских методов управления трудом, многочисленные случаи выпуска национальными предприятиями подделок их продукции, отсутствие действенных мер по защите интеллектуальной собственности, наличие административных ограничений и бюрократических проволочек, особенности правоприменительной практики и т.д.

Тем не менее, филиальная сеть японских мелких и средних предприятий в Восточной Азии непрерывно расширяется, чему способствует развитие и углубление процесса разделения труда в масштабах всего восточноазиатского региона.

Очевидно, что мировой финансово-экономический кризис будет способствовать усилению экономической активности японских компаний в Восточной Азии, хотя бы в силу того очевидного факта, что азиатские экономики (прежде всего Китай) переживают кризис легче, чем развитые страны.

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.

Стапран Н.В.

Взаимодействие между странами Азиатско-Тихоокеанского региона происходит давно, но в отличие от Европы, странам этого региона еще очень далеко до создания всесторонней полновесной интеграционной группировки, какая существует в Европе. Более того, большинство экспертов сходятся во мнении, что в Азии никогда не появится структура, подобная Европейскому союзу. Для того чтобы понять причины столь категоричного утверждения, необходимо, прежде всего, разобраться в особенностях межгосударственного взаимодействия в АТР. Предложенные в данной работе отличительные черты интеграционных процессов, происходящих в АТР, ни коим образом не претендуют на полноту, а лишь обозначают основные тенденции, в сути каждой из которых необходимо разбираться более подробно и основательно.

Известно, что существует множество вариантов истолкования границ Азиатско-Тихоокеанского региона. Зачастую регион АТР приравнивают к понятию Азия или даже Восток в целом, в таком случае границы региона фактически простираются от Средиземноморского побережья Африки на западе до островов Тихоокеанского побережья США на востоке, и от российской Камчатки на севере до Южного побережья Австралии на юге. Таким образом, при «широкой» трактовке понятия АТР необходимо принимать во внимание огромные территории равные по площади третьей части земного шара. В более «узком» понимании регион АТР ограничивается, Центральной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азией, а также Австралией и Новой Зеландией. В наиболее «ёмком» понимании к региону АТР относится лишь Восточная и Юго-Восточная Азия.

Наиболее популярная на сегодняшний день трактовка границ АТР была разработана американскими специалистами после завершения Второй мировой войны, и по сути отражает региональную политику послевоенной американской администрации, тогда как на практике региональное взаимодействие порой приобретает совершенно иные направления и форматы. Именно с этим связан процесс так называемой дерегионализации, а точнее объединения практических усилий государств для решения конкретных проблем. Например, экономическое сотрудничество в субрегионе бассейна Большого Меконга объединяет Китай, Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам, что явно выходит за рамки одного региона в общепринятом понимании. Другой яркий пример дерегионализации имеет место на Среднем Востоке, где Турция явно тяготеет к Европе, а в решение афганских проблем происходит с активным вовлечением Таджикистана и Пакистана, традиционно относившихся к Центральной и Южной Азии соответственно.

Очевидно, что оценка интеграционных процессов зависит от того, какую трактовку границ региона выбирает исследователь. В случае максимально «ёмкой» версии, анализировать результативность межгосударственного сотрудничества гораздо проще и эффективность интеграционных процессов будет гораздо выше.

Колониальное прошлое большинства государств АТР, за исключением Японии и Таиланда, сыграло негативную роль в развитии и поддержании внутрорегиональных связей, существовавших в доколониальный период. Учитывая, что метрополии не одобряли

межгосударственные контакты между колониями, после получения независимости азиатским государствам пришлось заново налаживать взаимодействие. Такая задача уже сама по себе очень сложна, а в контексте «холодной войны» понятие внутрирегиональная интеграция фактически сводилась к нулю. Действительно, зачастую многосторонние механизмы взаимодействия подменялись в АТР контактами в рамках двусторонних союзов и договоров, чаще всего с участием США.

Место США в регионе традиционно воспринималось неоднозначно. Очевидно, что в послевоенный период США занимали лидирующие позиции в регионе, как в экономическом, так в геополитическом плане. На сегодняшний день активное присутствие США сохраняется, но, тем не менее, это государство чаще всего относят к числу внешних по отношению к региону акторов. На самом деле США оказывают скорее дестабилизирующее влияние на интеграционные процессы в регионе, стремясь сохранить собственный «зонтик безопасности» развернутый в Азии после окончания Второй мировой войны.

В отличие от Европы в АТР сохраняются многие элементы «холодной войны»: разделенность двух Корей, антагонизм континентального Китая и Тайваня, много нерешенных территориальных споров и прочее. Одной из вероятных причин этого является то, что в АТР уже в годы «холодной войны» сложилась многополярная система международных отношений с множественностью потенциальных конфликтов и линий конфронтации. Эта многополярная система функционировала зачастую независимо от перепадов в советско-американских отношениях, и именно поэтому крушение bipolarной системы кардинально не изменило геополитическую ситуацию в АТР.

США никогда не уходили из региона и многие международные механизмы, появившиеся в АТР после 1990-х годов, формировались под чутким контролем американцев (АТЭС, АСЕАН, АРФ). Тем не менее, в последнее время большинство азиатских стран стремятся к созданию структуры без участия США. Подобной попыткой является создание Восточно-азиатского саммита (ВАС) на базе переговорного механизма АСЕАН+3. Инициатором создания ВАС в 2005 г. стал японский премьер-министр Дз.Коидзуми. Хотя нужно признать, что Япония, главным постулатом внешней политики которой является верность японо-американскому договору о безопасности, никогда не возражала против участия США.

Несмотря на то, что одним из основных инициаторов интеграционного процесса в регионе выступает Япония, именно по отношению к этой стране у азиатских соседей существует так называемый комплекс исторической памяти. Япония действительно в послевоенные годы активно пропагандировала идею азиатского единения, в первую очередь экономического. Однако азиатские соседи относятся к японским инициативам с последовательной осторожностью, видя в любых инициативах руководителей страны Восходящего солнца отголоски японского милитаризма и «Сферы азиатского процветания», под эгидой которой Япония оккупировала территории соседних государств в годы Второй мировой войны. Для Японии очень важно получить поддержку азиатских соседей, чтобы утвердиться в качестве лидера региона.

В отличие от Европы, где развивается так называемая «горизонтальная интеграция», в АТР преобладает «вертикальное» межгосударственное взаимодействие, своего рода интеграция по принципу патернализма. Подобный патернализм был с древних времен свойственен странам Востока, именно таким образом строилась Китайская империя. Сейчас, так же как и раньше происходит поиск лидера региона. При этом на этот титул одновременно претендуют сразу несколько государств.

Подобная вертикальность существует в АТР в частности из-за очень большой разницы в уровне, прежде всего, экономического развития государств региона. Долгие годы лидирующие позиции занимала Япония, но в последние годы положение начало меняться в пользу Китая, и очевидно, в ближайшей перспективе победа останется именно за ним.

Идея создания общего экономического и, возможно, политического пространства в АТР, сталкивается с тем, что отдельные субрегионы, развиваются по совершенно самостоятельным траекториям, которые довольно сложно подвести к общему знаменателю. Наиболее перспективной является экономическая интеграция в рамках отдельных субрегионов (АСЕАН, ЮТО), тогда как более глобальные механизмы взаимодействия такие как АТЭС наталкиваются на многочисленные трудности, в первую очередь связанные с тем, что к АТР не применим западный (европейский) подход, не учитывающий уникальных особенностей исторического развития и межгосударственного взаимодействия между азиатскими странами.

ЯПОНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АТР

Клоков Н.С.

Япония была и остается второй промышленной державой мира и наиболее продвинутой в технологическом отношении страной Восточной Азии, и она может сыграть решающую роль в развитии экономик Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Если Япония будет направлять свои инвестиции только в Китай, Южную Корею, Тайвань и Гонконг, тогда экономическое разделение в Восточной Азии еще более увеличится. Но если она распределит свои зарубежные капиталовложения как в страны АСЕАН, так и государства СВА, то разделение между экономиками может быть сведено к минимуму. Но для того, чтобы стать привлекательным рынком для ПИИ из Японии, странам АСЕАН необходимо форсировать структурные реформы своих экономик, а также активизировать и сделать более тесным сотрудничество между собой с эффективным внедрением зоны свободной торговли АСЕАН, зоны инвестиций АСЕАН и соглашения о свободной торговле в сферах торговли и услуг.

В прошлом модель развития Восточной Азии часто описывалась как полет стаи гусей, в соответствии с которой в регионе существует лидер (вожак стаи), за которым, выстроившись клипом в зависимости от уровня экономического развития, следуют другие государства региона. Япония первой начала экономический рост в регионе. Во втором эшелоне за ней последовали Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, которым удалось сменить статус своих экономик с развивающихся на развитые. В качестве третьего эшелона выступают экономики стран АСЕАН — Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины. В итоге сложившейся в результате развития инвестиций и торговли взаимозависимости сформировался региональный цикл экономического оркестра, который связал все экономики Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и обеспечивал устойчивый динамичный рост региональной экономики на протяжении двух десятилетий. Однако после кризиса процессы глобализации революции информационных технологий привели к тому, что модель «гусиной стаи» стала менее работоспособной. Различия в скорости приспособления разных стран региона к новой экономической обстановке, скорости осуществления структурных реформ в ответ на вызовы, порождаемые глобализацией и революцией информационных технологий, привели к нарушению сложившегося порядка в региональном развитии.

Теоретически промышленное развитие по модели «гусиной стаи» имеет две характеристики: традиционное последовательное развитие индивидуальных промышленных структур, которые охватывали полный цикл производств, и новую организацию трансграничных производственных сетей через прямые иностранные инвестиции. В условиях усиливающейся интеграции мировой экономики наличие полного цикла производства утрачивает значение, а сетевые компоненты становятся доминирующими.

Возникающая в Восточной Азии модель развития представляет собой такую, в которой формируются региональные кластеры при появлении каждого нового прорыва в технологиях. Они представляют собой кластеры, ориентированные на производство определенной продукции, в которые включаются экономики, находящиеся на различных стадиях развития, расположенных в этом районе государств.

Больше не существует единственной экономики, которая ведет за собой всю стаю (гусей), но возникают различные лидеры для каждого технологического кластера. Так, например, Южная Корея ведет за собой Японию в производстве чипов памяти типа RAM, Тайвань сосредоточил у себя производство персональных компьютеров, а Китай стал центром производства трудоемкой, а также капиталоемкой продукции.

Несмотря на все свои проблемы, Япония остается крупнейшей экономикой Восточной Азии, которая по своим параметрам в 3-4 раза превосходит китайскую. Китай в настоящее время вследствие быстрого развития превратился в мотор экономического роста Восточной Азии. Однако развитие китайской экономики во многом обеспечивается за счет японской официальной помощи развитию, притока японских инвестиций и трансферта технологий. В той же степени и экономики стран АСЕАН развиваются за счет этих трех факторов. В среднесрочной перспективе Китай будет занят решением своих внутренних экономических и социальных проблем. Поэтому именно на Японию падает ответственность за оживление и развитие региональных экономик. Япония может стать катализатором экономического восстановления Восточной Азии, поскольку она располагает необходимыми для этого технологиями и капиталами. Конечно, это еще вопрос, сможет ли Япония стать региональным лидером, однако, в минимальном объеме она располагает необходимым экономическим и промышленным потенциалом для трансформации восточноазиатских экономик. Одновременно

экономическое восстановление и динамизм Восточной Азии должны обеспечить эффективный механизм для устойчивого восстановления японской экономики. Это формула обоюдной выгоды и для Японии, и для региона. Проблема заключается в том, как сформировать должностное и механизмы, которые должны выработать импульсы развития стран АСЕАН. Китай, Япония и Южная Корея являются основными составляющими восточноазиатского экономического сообщества.

Быстрое изменение международной и региональной обстановки делает крайне необходимыми глубокие изменения в политике и обширную структурную перестройку экономики. Внешние перемены вызваны радикальными переменами в сфере информатики и коммуникаций, либерализацией и дерегулированием в торговле и инвестициях. В результате этих внешних и внутренних перемен сформировавшиеся в прошлом в мире и в Восточной Азии индустриальные и производственные структуры подверглись большим изменениям. Конкуренция обострилась, а производственный цикл стал короче. Развитые и развивающиеся экономики в регионе требуют апгрейда и реструктуризации. В противном случае они будут превзойдены развивающимися экономиками через изменения в международном разделении труда и смещение сравнительных преимуществ. Вступление Китая в ВТО означает для АСЕАН огромные вызовы и одновременно новые возможности. Предложения о развитии внутри региона системы свободной торговли, которые происходят вследствие перспектив растущей конкуренции со стороны КНР и более динамичной игры рыночных сил, были инициированы между АСЕАН и Китаем и между АСЕАН и Японией. Альтернативно зоны свободной торговли, всеобъемлющее экономическое партнерство и сотрудничество могут быть интерпретированы как инициированные политикой меры, направленные на максимизацию потенциальных выгод и сокращение потенциальных негативных последствий глобализации и либерализации торговли и инвестиций.

Япония может сыграть критическую (решающую) роль и апгрейде асеановских экономик. В этом смысле Япония должна решительно поддержать создание экономического сообщества АСЕАН как логический шаг и направлении более тесного и эффективного экономического сотрудничества. В свою очередь более конкурентоспособные экономики АСЕАН могут внести большой вклад в восточноазиатское экономическое сообщество посредством предоставления себя в качестве «хаба», соединяющего между собой потенциальных конкурентов за лидерство в Восточной Азии в лице Китая и Японии. Стабильность и баланс отношений между Китаем и Японией является жизненно важной предпосылкой для процветания и мира в Восточной Азии.

Для Восточной Азии, как для группировки возможны три пути формирования соглашений о зонах свободной торговли. Первый — самый идеальный, это немедленное начало переговоров о создании региональной зоны свободной торговли. Но, похоже, это преждевременно. Второй путь состоит в том, чтобы сформировать трехстороннюю (Китай, Япония, Республика Корея) зону свободной торговли. Но здесь имеется трудность, которая состоит в том, что Китай избегает заключения трехсторонних соглашений, хотя с другой стороны, Китай сам предлагал подобную идею в 2003 г. Еще более сложной ситуация может стать в случае подключения к этому процессу Тайваня. Третий путь — через различные двусторонние соглашения между странами АСЕАН и государствами Северо-Восточной Азии. Этот вариант может оказаться очень сложной задачей в том случае, если двусторонние соглашения не будут в перспективе ориентированы на конвергенцию. Все это требует разработки ряда общих принципов для региона, которые могут оказаться приемлемыми в перспективе и для всего мира.

ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ УЧАСТИЯ ЯПОНИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2000-Е ГОДЫ

Баклунова Т.В.

Активно протекающий в современном мире процесс глобализации представляет собой сложное и противоречивое явление, не поддающееся однозначной оценке. Рост взаимозависимости экономик, интернационализация хозяйственной жизни и другие процессы, наблюдаемые в настоящее время, вместе с положительными изменениями несут с собой проблемы, риски и противоречия. Одновременно с объединением экономик мира в одну сложную взаимозависимую систему происходит процесс регионализации, который выражается

в развитии различных видов экономических связей между государствами и ведет к созданию региональных экономических систем, как, например, ЕС или НАФТА.

Процессы регионализации все отчетливее наблюдаются в восточноазиатском регионе на фоне значительного роста стран Азии. В частности, с увеличением числа соглашений о свободной торговле среди стран АСЕАН реальные очертания приобретает идея создания свободной экономической зоны в Азии.

Играя достаточно пассивную роль в различных международных организациях и образованиях, Япония в течение долгого времени воздерживалась от активного участия в интеграционных процессах. Однако в 2000-е годы произошла смена японской внешнеэкономической политики, результатом которой стала активизация участия страны в экономической интеграции восточноазиатского региона. Вместе с тем произошла смена внешнеэкономических ориентиров Японии. Стараясь снизить зависимость от американской экономики, Япония стала уделять большее внимание странам Восточной Азии.

Факторы, побудившие Японию пересмотреть свою внешнеэкономическую политику в восточноазиатском регионе, можно условно разделить на три группы: события, произошедшие непосредственно в Японии, и факторы, определяемые внутренними причинами; события в Восточной Азии; а также изменения, произошедшие в мире.

I. Изменение ситуации в Японии

К внутренним причинам, определившим повышенный интерес Японии к экономической интеграции в Восточной Азии, можно отнести задачу преодоления последствий краха экономики «мыльного пузыря», кризиса финансовой системы, спада производства – проблем, оставшихся нерешенными на тот период.

Какими экономическими целями руководствуется Япония, увеличивая степень своего участия в интеграционных процессах в данном регионе?

1) *Преодоление спада в экономике и стимулирование экономического развития в стране.* Японские компании уже с середины 80-х годов активно размещают собственное производство за рубежом, особенно – в странах Восточной Азии. На основе вывоза капитала страна создала за рубежом производственные мощности, сеть взаимодополняющих предприятий, производящих компоненты для одного конечного продукта в различных частях региона. Тем самым она способствовала формированию базы для развития собственной промышленности – своеобразной «производственной площадки» - и экономики многих азиатских стран.

Однако в этот период технологически развитая экономика Японии оставляла своим последователям в регионе «отработанные» производственные ниши, технологии, потерявшие международную конкуренцию, в то время как сама концентрировалась на наукоемких сегментах с высокой долей добавленной стоимости. В настоящее же время наблюдается переход к такой системе разделения труда между Японией и ее экономическими партнерами, при которой японские компании сосредоточатся главным образом на разработке передовых технологий, а производство продукции будут полностью размещать на территории других стран, прежде всего Восточной Азии. Эта идея становления Японии в качестве мирового инновационного центра и производителя технологий легла в основу концепции создания «виртуального цикла» инноваций и спроса, при котором инновации будут порождать спрос, а спрос – новые инновации.

При этом наблюдается и изменение в самом характере экономического взаимодействия Японии со странами Восточной Азии. В период реализации концепции «полета стаи гусей» экономическое воздействие являлось скорее односторонним процессом. В настоящее время японские компании продолжают вносить свой вклад в расширение свободной торговли и движение инвестиций в регионе, способствовать интенсификации интеграционных процессов, но при этом знания и опыт азиатских стран, их производственные ресурсы и человеческий капитал начинают оказывать значительное влияние на конкурентоспособность японских компаний. Другими словами, экономическое взаимодействие приобрело двусторонний характер, и экономическое развитие стран Азии может влиять на экономику Японии. Данная идея является основополагающей в Глобальной экономической стратегии, представленной Министерством экономики, торговли и промышленности Японии в апреле 2006 г., и носит название «цикла сотворчества и соразвития с Азией».

2) *Завоевание потребительского рынка Восточной Азии.* Япония стремится решить и другие проблемы экономики за счет активизации в восточноазиатском регионе. По мере роста масштабов экономики и повышения покупательной способности населения рынок стран Восточной Азии становится одним из наиболее перспективных мировых потребительских рынков, и его завоевание было бы для японской экономики крайне выгодным.

3) Привлечение человеческих ресурсов и решение демографической проблемы. Все большее значение в мире придается не столько «жесткой силе» (экономической или военной мощи государства), сколько «мягкой силе», воплощающейся в культуре, социальных ценностях страны, ее политической идеологии, способности к сотрудничеству. Интеллектуальную «мягкую силу» составляют креативные человеческие ресурсы, поэтому обладание ими становится важным конкурентным преимуществом стран. Для Японии источником притока талантов могут стать страны Восточной Азии. В этом отношении важной является реализация концепции «Азиатского человеческого фонда» («Asian People's Fund») и других инициатив, направленных на привлечение интеллектуальных человеческих ресурсов - талантливых иностранных студентов, исследователей и др.

Кроме того, при определении долгосрочной стратегии экономического развития Японии необходимо принимать во внимание проблему старения японского общества. Вместе с сокращением численности населения данная тенденция становится сдерживающим фактором экономического роста, вызывает ряд социальных проблем. Проблема старения населения актуальна для многих развитых стран мира, однако именно Япония может испытать серьезные экономические последствия этого процесса уже в скором будущем. В Японии старение общества проходит очень быстрыми темпами: если после Второй мировой войны на 15 работающих в стране приходился один пенсионер, то к 2015 году это соотношение, по некоторым прогнозам, составит 2 к 1.

Правительством выдвигаются различные предложения пути выхода из данной ситуации, и в качестве одного из вариантов решения проблемы нехватки рабочих рук может стать привлечение трудовых ресурсов из других стран, в том числе Восточной Азии.

II. Изменение ситуации в восточноазиатском регионе

В большой степени на активизацию участия Японии в интеграционных процессах в Восточной Азии повлияло изменение ситуации в регионе. В 2000-х годах взрывной характер в мире приобрели процессы заключения соглашений о свободной торговле. В частности, в 2001 году Китай заявил о своем решении начать переговоры по заключению подобных соглашений с АСЕАН. Естественно, Япония была заинтересована в том, чтобы не остаться в стороне от процесса, в ходе которого ее основные торговые партнеры создавали свои сети соглашений о свободной торговле.

Вдобавок к этому, к концу 90-х годов Япония стала ощущать утрату прежнего влияния в Восточной Азии, в то время как Китай стал играть все большую роль в экономической ситуации в регионе. По замыслу инициаторов Восточноазиатской экономической группы (ВАЭГ), Японии, с учетом ее финансово-экономического, производственного и научно-технического потенциала, отводилась центральная роль в организации. Авторы концепции создания Восточноазиатского экономического сообщества (ВАЭС) также полагали, что Япония как крупный инвестор, обладатель мощной производственной базы и емкого рынка должна занимать в организации лидирующее положение. На тот момент еще ни одна азиатская страна не могла рассматриваться в качестве альтернативы Японии.

Однако после азиатского финансового кризиса Китай с его возросшим экономическим влиянием стал иметь все большую значимость для экономики АТР в целом и экономической интеграции в Восточной Азии в частности, став главным соперником Японии в региональном лидерстве. В настоящее время японские инвестиции, передовые технологии, огромный экспорт, экономическая помощь, емкий рынок продолжают играть важную роль в экономическом обмене в регионе, однако в перспективе энергия региональной интеграции может начать концентрироваться вокруг Китая, у которого есть все шансы отвоевать позиции у Японии и стать гегемоном в Восточной Азии.

Еще одним фактором, придавшим стимул развитию интеграционных процессов в регионе и активизации в них участия Японии, послужила проявившаяся во время азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. неспособность АТЭС справиться с ним самостоятельно и не допустить ухудшения ситуации в азиатском регионе. Кроме этого, сам кризис был воспринят в Восточной Азии как негативное последствие процесса глобализации, выигрыш от которого получают развитые страны, прежде всего США.

III. Изменение мировой экономической ситуации

Активизация участия Японии в 2000-е годы была вызвана также изменением мировой экономической ситуации. Ослабление американской экономики выявило необходимость диверсификации рынков сбыта и снижения зависимости экономики Японии от США.

В данный период силу стали набирать региональные интеграционные образования в США (НАФТА) и Европе (ЕС). В 1999 году произошел крах торговых переговоров в рамках ВТО в г. Сиэтл, еще раз поколебавший уверенность японских властей в силе «мультилатерализма».

Все это послужило фоном для поворота к «новому регионализму» как в Японии, так и в Восточной Азии в целом.

Влияние вышеперечисленных факторов привело в начале 2000-х годов к изменению отношения Японии к интеграционным процессам и активизации ее экономической деятельности в Восточной Азии.

Япония выступила с рядом инициатив, которые могли бы увеличить степень ее присутствия в восточноазиатском регионе. Среди них - концепция создания Свободного и открытого экономического пространства в Азии, на котором свободная торговля и предпринимательская деятельность регулировались бы соответствующими законами. Данная концепция была предложена в Глобальной экономической стратегии и предусматривала переход стран от системы двусторонних соглашений о свободной торговле к широкомасштабному экономическому сотрудничеству между всеми странами Восточной Азии как одним целым. Аналогичную задачу ставило предложение о создании комплексного экономического партнерства в Восточной Азии и организации, в рамках которой была бы возможной выработка совместных инициатив и стратегии развития («think tank»).

Кроме того, вместе с приходом к власти правительства Хатояма возобновились переговоры, касающиеся создания Восточноазиатского сообщества.

Таким образом, Япония намерена стать активным субъектом глобализационного процесса, открывая свой рынок и «расширяя» его за счет реализации стратегии «соразвития» в Восточной Азии. При этом главной задачей для японской экономики является не просто приспособление к изменяющемуся миру, а извлечение максимума выгод из новой ситуации при сохранении единства внутренних и внешних аспектов развития. Не удивительно, что основное внимание Японии при этом обращено на страны Азии - «центр роста XXI века».

Активизация участия Японии в экономической интеграции в Восточной Азии в 2000-е годы была во многом продиктована внутренними причинами - необходимостью преодоления спада в экономике и стимулирования экономического развития в стране, обеспечения рынков сбыта японской продукции, решения демографических проблем. Япония по-прежнему является лидером во многих областях, однако вместе с тем ей не хватает живости, необходимой для роста, готовности к смелым переменам, и динамизм ее соседей мог бы оживить экономику страны.

Кроме того, на смену внешнеэкономической политики Японии в 2000-е годы повлияло изменение соотношения сил в восточноазиатском регионе, а именно, значительный подъем экономики Китая, углубление региональной экономической интеграции при неспособности международных организаций гарантировать экономическую и финансовую стабильность в кризисные периоды. На фоне ослабления американской экономики и ускорения процессов экономической регионализации в мире, все эти факторы побудили Японию изменить позицию по отношению к интеграционным процессам и активизировать свое участие в экономической интеграции в Восточной Азии.

Секция 3. Россия и Япония в АТР: возможности взаимодействия

РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ЯПОНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В АТР

Д.В.Стрельцов, д.и.н., МГИМО(У)

На российское направление японской дипломатии оказывают свое системное воздействие происходящие в настоящее время кардинальные изменения в глобальной политике и экономике, к числу которых следует отнести мировой финансовый кризис, приход к власти администрации Б.Обамы в США, а также продолжающийся, несмотря на кризис, процесс военно-политического и экономического подъема Китая. К числу же внутренних факторов, имеющих ключевое значение для японо-российских отношений, следует отнести деидеологизацию и прагматизацию политической сферы в Японии, постепенный отход общественных настроений от догматизма в восприятии международной политики (и вопросы отношений с Россией здесь не исключение), а также приход к власти нового, более «националистически» мыслящего поколения политиков.

Существует как минимум несколько противоречивых факторов за и против усиления достаточно маргинализованной ранее российской компоненты во внешнеполитической стратегии нового кабинета министров.

Против играет усиление роли популизма, все чаще выступающего в качестве внутривластного ресурса действующей администрации.

Поскольку Россия представляет уже хорошо пристрелянную пропагандистскую мишень, передвинуть проблему «северных территорий» из центра повестки дня двусторонних отношений, возможно, не решится и новое правительство Ю.Хатоямы. Однако существует и другая вероятность, определяемая тем, что ДПЯ имеет, как минимум до середины 2010 года, большинство в обеих палатах парламента, а пик кризиса, по мнению многих экспертов, уже пройден (во втором квартале 2009 года наметился экономический подъем). В этих условиях кабинет Ю.Хатояма может попытаться стабилизировать несколько ухудшившиеся в 2009 году политические отношения с Москвой.

Центробежным тенденциям в отношениях Японии и России способствует также слабое развитие торгово-экономических отношений, повестка дня которых не отвечает потребностям перспективного развития экономики обеих стран. Слабый уровень участия России в экономических процессах, имеющих для Японии первостепенное значение, во многом детерминирует и низкий уровень политических взаимоотношений.

В глазах Токио большое значение имеет также и тот факт, что участие России имеет отчетливо выраженный миноритарный характер в экономической жизни всего восточноазиатского региона. Пока не получил распространения такой формат соглашений России с зарубежными партнерами, как соглашения о свободной торговле и об экономическом партнерстве, представляющие собой «столбовую дорогу» восточноазиатской экономической интеграции.

Большое значение для российско-японских отношений на обозримую перспективу (и в большей степени, на взгляд автора данной статьи, позитивное) будет иметь также фактор отношений Японии с ее ключевыми партнерами на мировой арене, и прежде всего США и Китая.

«Договор безопасности» с США на видимую перспективу останется краеугольным камнем японской внешней политики. Однако модификация системы «договора безопасности» в сторону его большей гибкости, адаптивности, экономической эффективности, идущие параллельно процессу повышения самостоятельности Японии в международных делах, создают дополнительные возможности и для российско-японского диалога по широкому кругу вопросов международной безопасности в регионе Восточной Азии

В Японии по-прежнему крайне настороженно относятся к военно-техническому сотрудничеству России и Китая, рассматривая его как одно из средств модернизации китайской армии. По-прежнему болезненно воспринимается в Японии и любая информация о контактах между оборонными ведомствами двух стран, о становящихся регулярными российско-китайскими военных учениях, о долгосрочных проектах в сфере безопасности с участием двух стран, реализуемых в рамках ШОС. Однако в то же время опасение «остаться позади» в контексте российско-китайских и американо-китайских отношений будет, скорее всего, оказывать свое влияние и на российское направление внешнеполитического курса более «националистического», чем прежде, кабинета Ю.Хатояма, заставляя его рассматривать свои отношения с Москвой в качестве геополитического «балансера» против усиливающегося Китая.

Россия и Япония, для которых ситуация на Корейском полуострове имеет ключевое значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности и которые тем не менее вытесняются на периферию процесса принятия решений по корейскому вопросу, объективно подталкиваются к сближению. Консультации с Россией по корейской проблеме, сотрудничество двух стран в как рамках шестистороннего формата, так и вне его, объективно приобретают роль важнейшего внешнеполитического инструментария кабинета Хатояма.

Японии с пониманием относятся к задаче по включению регионов Сибири и Дальнего Востока в интеграционные процессы в АТР. Наибольшие возможности двустороннего сотрудничества кроются в сфере энергетики и экологии. При этом среди всех обсуждаемых проектов экономического сотрудничества реалистичными и состоятельными следует назвать лишь те, которые отвечают интересам взаимной выгоды. Например, если взять модернизацию инфраструктуры на российском Дальнем Востоке - область, в которой Россия заинтересована в первую очередь, Япония пойдет на такие капиталовложения, которые будут прямым или косвенным образом стимулировать ее собственную экономику.

日本人の目で見た 21 世紀のロシアの東アジア政策 横手慎二 (慶応大学)

Йокотэ Синдзи, проф. Ун-та Кэйо

21 世紀のロシアの東アジア政策は、安全保障と経済の両面で中国を中心にして進められてきた。ロシアは安全保障面では、アメリカに対抗することを意識し、中国との協調による多極世界の構築を目指してきた。上海協力機構も、また 2005 年からなされている中ロ軍事演習も、アメリカの覇権に対する牽制の意味を持つものとして受けとめられている。他方、経済面では 1990 年代に生じたシベリア・極東地域と中国との経済的結びつきが、21 世紀になってロシアのエネルギー輸出の拡大によってさらに深まった。しかし全体として、中ロ関係ではロシアは中国の台頭を促す役割を果たしたように見える。

ロシアの日本との関係は、領土問題が未解決なままで推移しているにも関わらず、経済面では順調で、2000 年から 2008 年までに貿易額はほぼ 6 倍 (300 億ドル弱) になった。しかし、これは日本の貿易額全体からみると 2% にも満たない額で、日中貿易額、日米貿易額にはるかに及ばず、日本経済の中ではロシアの存在感はあまりない。

21 世紀になって、東アジア諸国 (日本、韓国、中国、および東南アジア諸国) の間で経済関係が非常に緊密化したことも、東アジアにおけるロシアの存在感を弱めている。21 世紀になって、上記の国々の間では自由貿易協定こそ締結されていないが、域内貿易が非常に盛んになり、既に NAFTA の域内貿易と同じ水準に達していると言われる。このような状況では、ロシアは経済的に (政治的にも) 地域から遠く離れているように見える。

さらにロシアの東アジア政策を精彩のないものにしてしているのは、そのシベリア・極東部分の経済的基盤の弱さと人口の希薄さである。ロシアの東アジア政策は、これらの地域に住む住民の生活とどこまで結びついているのか不明であるために、政権の変化とともに経済政策全体が変わるのではないかという不安を残している。唯一の明るいニュースは、始まりつつあるエネルギー資源の東アジア諸国への輸出である。こうしたプロジェクトの稼動によって、ロシアは今度こそ東アジアの経済圏に本格的に参入するのかもしれない。

しかし、東アジア地域は既に幾つかの重要な問題に直面している。第一にアメリカの経済的混乱による、東アジアの輸出志向国家の経済的見通しの不透明性、第二に中国の急速な台頭に基づく地域の力関係の変化、第三に北朝鮮の核兵器の開発問題である。こうした問題のために不確定な状況が続くことを考えれば、日本とロシアを含めた東アジア諸国は、これまで以上に積極的に外交関係を行うことが求められている。また多国間の協議の場も必要であろう。この点で、6 カ国協議は北朝鮮の核兵器問題についても十分機能しているのか疑われている状況で、役には立たないだろう。したがって、別の枠組みで多国間の定期的会合を打ち上げる必要がある。そうしたものとして、日本と中国と韓国の各種のフォーラムが既に機能を始めている。それらの国とアセアン諸国との協議の場もある。また日・米・韓の協議の場も生まれた。ここで存在しないのは、日本とロシアと中国が共同で東アジア地域における関心事について定期的に話し合う枠組みである。これまでの日米の緊密な関係を維持した状態 (条件) で、こうした場を生み出すことが 3 国にとって重要である。

ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯПОНСКИХ КОМПАНИЙ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ

1. Мировой финансово-экономический кризис оказывает заметное воздействие на динамику и характер развития российско-японских экономических отношений.

2. Позитивные тенденции развития российско-японской торговли были прерваны. До 2008 г объем двусторонней торговли рос в течение 10 лет и в 2008 кал. г. достиг почти 30 млрд. долл., после чего началось его снижение¹⁰:

	Экспорт Японии в РФ (трлн. иен)	Импорт Японии из РФ (трлн. иен)
2007	1,265	1,241
2008	1,714	1,389
2009 (8 месяцев)	0,195	0,508

В экспорте Японии в Россию особенно резко (на 91,5%) упали поставки автомобилей и других транспортных средств, а в экспорте РФ в Японию на 70,4% упали поставки в Японию металлов и металлоизделий¹¹.

Прямые иностранные инвестиции Японии в РФ составляли в 2007 г. 99 млн. долл., 2008 – 306, в январе – июне 2009 г. 175 млн. долл. (по методике платежного баланса, чистый приток)¹².

3. Двусторонние экономические отношения России и Японии, включая и межгосударственный уровень, и взаимодействие хозяйствующих субъектов двух стран, являются важной составляющей интеграционных процессов в АТР в настоящее время и особенно в перспективе.

4. Характер, динамика и перспективы развития японо-российских экономических отношений во многом определяются стратегическим подходом ведущих японских корпораций к освоению российского рынка. В условиях нынешнего финансово-экономического кризиса интерес японских корпораций к России как одной из стран с динамично развивающимся рынком (более того, одной из стран приоритетной группы БРИК) в целом сохраняется. Однако сами направления деятельности японских компаний в России и способы ведения операций на нашем рынке могут претерпеть определенные изменения.

Некоторые компании заинтересованы в России в первую очередь как потребительском рынке и в целях дальнейшего его освоения намерены размещать в РФ подразделения продаж, а не производственные активы, выбирая для размещения последних другие развивающиеся рынки.

5. Вместе с тем другие крупные японские компании различных отраслей реализуют стратегии создания и расширения в России своих производственных баз, обозначая тем самым заинтересованность в российском рынке в долгосрочной перспективе.

Одной из приоритетных сфер остается сотрудничество в сфере разработке месторождений полезных ископаемых (в том числе энергетического) и дальнейшей переработки полученного сырья. При этом данная форма сотрудничества будет реализовываться в рамках крупных комплексных проектов, включающих развитие инфраструктуры и промышленных объектов.

Компании обрабатывающей промышленности также осуществляют в России целый ряд проектов разного масштаба в сфере производства. Вслед за японскими автогигантами («Тоёта», «Ниссан»), которые построили в нашей стране сборочные предприятия, в Россию приходят производители частей и компонентов, в том числе для вторичного рынка.

¹⁰ Данные таможенной статистики Японии ([http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=27&P=1,,,3,224,1,,,,,2007,2009,,,,,20\)](http://www.customs.go.jp/toukei/srch/indexe.htm?M=27&P=1,,,3,224,1,,,,,2007,2009,,,,,20))

¹¹ Январь – июль 2009 г. по сравнению с тем же периодом 2008 г. – <http://www.prime-tass.ru/news/0/%7B4AC35B34-4D89-4C51-BC24-374A19846FF6%7D.uif>

¹² http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/data/bpfdi03_en_0910.xls

6. Несмотря на кризис, активизируется сотрудничество российских и японских компаний в сфере высоких технологий, в том числе нанотехнологий.

7. Сохраняется интерес японских партнеров к *российскому Дальнему Востоку*, причем сферы и формы возможного взаимодействия расширяются, дополняя такие традиционные области партнерства (каковыми являются, например, совместная разработка месторождений полезных ископаемых и деревопереработка). Среди перспективных направлений – создание объектов социальной и производственной инфраструктуры, в частности в рамках подготовки г. Владивостока к саммиту АТЭС-2012.

Развиваются и межрегиональные связи, что создает хорошие перспективы для прихода в Россию местных японских предприятий малого и среднего размера.

8. В целом, можно отметить, что Россия занимает заметное место и в «кризисных» и в «послекризисных» стратегиях ведущих японских компаний. По словам премьер-министра РФ В.В. Путина, «многие японские корпорации по-прежнему заинтересованы в создании в России своих производств», «они вплотную занимаются реализацией этих планов и принимают решения, исходя из долгосрочных расчетов и вопреки текущим сиюминутным трудностям»¹³.

Для российских предприятий обрабатывающих отраслей имеется возможность приобщиться к производственным системам японских корпораций, получив доступ к передовым технологиям и методам организации производства. Для предприятий перерабатывающих отраслей кооперация с японскими компаниями также может оказаться весьма полезной, имея в виду необходимость повышать уровень переработки сырья и материалов, производить и экспортировать продукцию с более высокой долей добавленной стоимости.

Однако конкуренция за японские инвестиции между странами приоритетной группы (Россия, Индия, Китай, страны Восточной Азии) весьма велика.

В долгосрочном периоде наиболее перспективным представляется сотрудничество в сфере высоких технологий, поскольку японские компании связывают свое «послекризисное» развитие, прежде всего, с освоением новых, технически передовых продуктов, а также разработкой и внедрением собственно технологий. Для России такое взаимодействие даст возможность реализовать имеющийся научно-технический потенциал, повысить конкурентоспособность в технологически сложных отраслях и в перспективе изменить свое позиционирование в рамках экономической интеграции в АТР.

ПОЙМУТ ЛИ, НАКОНЕЦ, ДРУГ ДРУГА РОССИЯ И ЯПОНИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОБЛЕМЫ

Кожевников В.В., к.и.н., зав. Центром внешней политики Японии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

Практически вся, более чем 200-летняя, история российско-японских отношений являет нам много примеров напряженности, сложностей, конфликтов и прямых войн.

Стоит задаться вопросом: почему не смотря на кажущуюся взаимовыгодность и взаимодополняемость наших экономик, о чем так много говорится российской стороной, масштабы сотрудничества не столь впечатляющи как, например, сотрудничество Японии с Китаем. Со страной, с которой у Японии не только идеологические расхождения, но неприязнь, базирующаяся на опыте отношений в конце XIX - первой половине XX вв. И первое десятилетие XXI в. богато на антияпонские настроения в Китае. Они неоднократно проявлялись в массовом масштабе, и территориальная проблема присутствует в отношениях между странами, но объем торговли и другие контакты впечатляющи!

А вот с Россией ситуация совсем другая. Не смотря на многословные заверения со стороны России в отсутствии препятствий к сотрудничеству, японский бизнес и японские инвестиции не идут в Россию. И политические отношения далеко не просты.

Как известно, Россию в Японии всегда оценивали скорее негативно, чем позитивно. В списке стран «нелюбимых японцами» Россия традиционно занимает одно из первых мест, тогда как среди «любимых» – одно из последних, обычно она по популярности соседствует с Северной Кореей.

Например, согласно данным опроса общественного мнения кабинета министров Японии, проведенного в октябре 2008 г., на вопрос «С симпатией ли вы относитесь к России?» положительно ответили 13% опрошенных (2% - с симпатией и скорее с симпатией - 11%), не

¹³ <http://www.prime-tass.ru/news/articles/-2011/%7B73DCB6CE-9B5A-4E1B-B799-4C7>

испытывают симпатии - 83,4% (скорее не испытывают – 44,7 и не испытывают – 38%). Изменений по сравнению с предыдущими опросами практически нет. Что касается оценки двусторонних отношений, то «хорошими» считают отношения 20,5% (1% - «хорошими» и «скорее хорошими» - 19,6%). Не считают «хорошими» 72,5% («не слишком хорошие» – 49,5% и «не считают хорошими» - 22,9)¹⁴. Эти пропорции существуют уже много лет.

Обычно ответ на вопрос, почему в Японии так относятся к России, бывает прост – наличие территориальной проблемы. На наш взгляд такое узкое толкование не является правильным. Ведь территориальная проблема в наших отношениях есть явление случайное, возникшее в результате конкретных обстоятельств в конкретный исторический период, которых могло и не быть. Проблема гораздо шире и серьезнее. Представим на секунду, что нет этой проблемы, просто нет! Смогли бы Россия и Япония в этих обстоятельствах достичь взаимопонимания и уровня отношений, аналогичных Китаю? Ведь, до конца Второй мировой войны её не было, а отношения между нашими странами были далеко не идеальными, если не сказать больше. И наоборот, долгое время после окончания второй мировой войны, когда уже существовала эта проблема, советско-японские экономические отношения успешно развивались, и Япония была одним из главных партнеров СССР среди развитых стран, входя в пятерку, а иногда и тройку главных экономических партнеров. Значит, есть что-то более важное в двусторонних отношениях, чем наличие или отсутствие территориальной проблемы....

Если проблемы политических или экономических составляющих двусторонних отношений обсуждаются специалистами регулярно, то проблемы психологических особенностей двух народов, которые влияют на отношения между нашими странами, находятся вне поля внимания исследователей. А психология часто мешает решению международных проблем, приводит к непониманию позиций друг друга. Поэтому, проблемы «менталитета» двух стран, проблемы их психологии, являются одной из важнейших в российско-японских отношениях.

Мне кажется, что обе стороны на переговорах не понимают друг друга, точнее сказать, «не слышат» друг друга. Монологи не сливаются в диалог! Почему? Ответ может быть найден именно в психологии. И в России и в Японии сложились устойчивые стереотипы друг друга, которые мешают взаимопониманию. Кто виноват в их существовании? Мне кажется, здесь можно говорить об ответственности политиков и исследователей, их ответственности перед своим и соседним народами. К сожалению, как политики, так и специалисты по двусторонним отношениям в обеих странах не все демонстрируют в полной мере желания понять партнеров. А ведь именно они формируют общественное мнение в своих странах своими выступлениями и публикациями. Реальность такова, что они, существуя в рамках своего реального общества, зачастую подвержены его субъективному влиянию, что отражается и на их оценках истории и современности. Это можно назвать «ложным патриотизмом». По-русски это «квасной патриотизм». В Японии его можно назвать «сакэшным». Суть его в том, что «моя страна всегда права, хотя бы потому, что это моя страна!» Это есть и в России и в Японии.

В качестве примера можно привести освещение истории Второй мировой войны. В России и Японии совершенно по-разному смотрят на события этого периода. И нам это представляется одной из главных причин непонимания между нашими странами и хорошей его иллюстрацией. В Японии рассматривают вступление СССР в войну с Японией в августе 1945 г. как «действия вора в горящем доме», другими словами, с обидой и осуждением. В СССР, а сейчас в России многие долгое время не понимали логику Японии в оценке этих событий, в первую очередь из-за того, что не было серьезного изучения особенностей национального характера и менталитета японцев. Истоки отношения Японии к СССР и России, кроются в том, что в Японии сформировался т.н. «синдром жертвы». И психологически это очень понятно – Япония, которая традиционно всеми соседями рассматривалась как агрессор, одновременно и сама является «жертвой агрессии»! И психологически это очень понятно. Фактически это дает возможность частично снять с себя ответственность за агрессию на материке.

Советская, да и современная российская сторона не учитывала эту особенность в переговорах с Японией, а поэтому и не могла понять на первый взгляд «нелогичную» позицию Японии.

Всё это вызывалось отсутствием стремления учитывать особенности национального характера, менталитета своих партнеров, психологических особенностей того исторического периода, когда происходили конкретные события, нежелание понять то, как противная сторона оценивает свои собственные национальные интересы и т.п. Очень часто беспристрастный

¹⁴ <http://www8.cao.go.jp/survey/h20/h20-gaiko/2-1.html>)

всесторонний анализ подменяется морализаторским, подходом основанным на сегодняшних реалиях, не учитывающих менталитета и реалий прошлого.

В результате, позиция оппонента всегда неправильна, а собственная – непогрешима! Но учет национальной психологии исключительно важен при оценке тех или иных действий конкретной страны на международной арене.

С другой стороны, и в Японии далеко не всегда учитывают особенности российского менталитета. Российское государство имеет длинную и сложную историю, наполненную многочисленными примерами иностранного вторжения на территорию России. Японии трудно понять менталитет народа, который многие столетия испытывал угрозу извне, постоянно опасаясь вторжения врагов. В силу этого у народов государства Российского уже на генном уровне существует чувство страха перед угрозой извне, и это часто игнорируется японскими исследователями и политиками. В период существования СССР к этому чувству добавилось еще и то, что СССР идеологически противостоял почти всему миру, что явилось усиливающим страх фактором. В результате у русских сформировалось чувство особого патриотизма. И особенность этого патриотизма заключается в том, что большинство населения всегда поддерживает укрепление государства, усиление государственной военной мощи, защиту собственных границ и т.п. И одновременно испытывает опасения относительно внешней угрозы. В Японии это понимают далеко не все. Если этого не понимать, то трудно понять, почему население России не принимает японскую позицию и в территориальном вопросе.

И в этом смысле ответственность историков и политологов весьма высока, ведь на их материалах базируются и политики и СМИ, формирующие общественное мнение.

Разумеется, было бы весьма оптимистично рассчитывать, что Россия и Япония поймут друг друга в ближайшем будущем. Но необходимо прилагать усилия с обеих сторон, чтобы это произошло. При этом стоит ориентироваться не на сиюминутные интересы той или иной стороны, а ориентироваться на анализ проблемы в целом, комплексно, максимально объективно, с учетом всех национальных особенностей. Надо пытаться понять мотивы действий обеих стран и искать гармонию в их отношениях....

История первых постсоветских лет показывает, что сотрудничество с Японией возможно и в условиях нерешенности территориальной проблемы. Однако его продолжению мешают многие факторы. И во многом это так жн вызвано взаимным непониманием. Так российские представители многократно повторяют в выгоды сотрудничества с Россией и отсутствии объективных препятствий к этому. Но призывы к активизации российско-японского экономического сотрудничества зачастую в Японии рассматриваются превратно. И это надо учитывать при диалоге с Японией. Часто в Японии складывается, мнение, что Россия хочет получить от Японии одностороннюю выгоду, другими словами «убежать, не заплатив за обед». И это тоже часть имиджа России в Японии. Об этом писал недавно, в частности, профессор С. Хакамада.

Он подчеркивает, что во времена В. Путина продвигалось сотрудничество в освоении сахалинских ресурсов. Однако, не смотря на то, что экономические отношения развивались, прогресса в переговорах по территориальной проблеме не видно, скорее наоборот, усиливается жесткая позиция по отношению к Японии. Таким образом, усилия по развитию экономических отношений, по мнению профессора, дали обратный эффект. И, по его словам, Япония чувствует неискренность России.

Далее профессор дает рекомендации новому правительству демократов. При определении плана политики в отношении России непременно принять во внимание предыдущий непростой опыт. По его мнению, Россия приветствует такой подход Японии, когда она шла на развитие экономических отношений, но «в глубине души она презирует Японию». Предлагая план, передав 2 острова закрыть проблему, Россия знает, что это неприемлемо для Японии. А раз она это предлагает, значит, она считает, что и даже 2 острова передавать нет необходимости. Фактически С. Хакамада предлагает не идти на дальнейшую активизацию экономического сотрудничества пока не будет подвижек в территориальном вопросе¹⁵. Такова откровенная точка зрения, высказанная специалистом по России, долгое время бывшим консультантом МИД Японии по вопросам России. В советское время такая схема называлась «политикой неразделения политики и экономики». Прислушается ли новое правительство Японии к его рекомендациям? Не знаю. Во многом внешнюю политику Японии определяет бюрократия, которая не меняется при смене правительств. Поэтому Ю. Хатояма может и хотел бы идти на компромиссы, но будет ли у него такая возможность.

¹⁵ Хакамада С. Новой администрации необходимо изучать опыт политики в отношении России у кабинета Т. Асо: [http://www.ceac.jp/cgi/m-bbs/index.php?title=&form\[no\]=1156](http://www.ceac.jp/cgi/m-bbs/index.php?title=&form[no]=1156)

Для нас важнее другое: если мы ответим на вопрос, почему Япония настаивает в первую очередь на решение территориального вопроса, причем, ответим объективно, понимая истинные причины такой позиции Японии, тогда нам будет легче выработать свою политику и реагировать на нее. А для этого необходимо больше внимания уделять психологии, необходимо понять особенности национального характера японцев. И может быть, тогда мы откажемся от лобового декларирования выгод экономического сотрудничества, и будем искать другие пути найти взаимопонимания. Но хочу сказать, что решение психологических проблем двусторонних отношений гораздо труднее решения политических проблем. Для этого требуется гораздо больше времени и встречных усилий.

Секция 4. Культурные и цивилизационные аспекты позиционирования Японии в АТР

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алпатов В.М., доктор филологических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН

Международная роль японского языка никогда не была значительной (исключая короткий период оккупации Японией ряда стран Азии) и к настоящему времени уступает международной роли государственных языков любой другой из крупнейших стран мира. Японский язык не является языком ООН и других международных организаций и мало используется для межнационального общения за пределами Японии.

Одна из причин такого состояния очевидна: японский язык ни по своей лексике, ни по грамматическому строю не похож на западные. Японские лингвисты подчеркивают, что Япония – это единственная страна «восьмерки», язык которой не принадлежит к индоевропейской семье. Это вызывает трудности в освоении японского языка в других мировых державах, а сложная японская письменность еще усиливает эти трудности. Наличие в современном японском языке большого числа заимствований из английского языка ненамного облегчает его усвоение, поскольку эти слова живут в японском языке своей жизнью и часто значительно отошли от английских прототипов.

Однако дело, по-видимому, не только в этом: соседний Китай, где язык ничуть не больше похож на европейские и также имеется иероглифическая письменность, гораздо активнее в отстаивании международной роли своего языка. По-видимому, международным функциям японского языка мешают и традиционные для Японии представления, согласно которым японский язык – это, прежде всего, язык для японцев, неотъемлемая часть японской культуры, мало пригодная для освоения иностранцами. Трудности в овладении японским языком зачастую преувеличиваются. Нередко японцы сознательно предпочитают общаться с иностранцами, даже владеющими их языком, по-английски, хотя уровень владения английским языком в Японии не очень высок. Видимо, на привычки к языковому изоляционизму повлияли островное положение Японии, отсутствие языков, близкородственных японскому, и многовековое совпадение между японской нацией и множеством носителей японского языка.

Традиционный языковой изоляционизм Японии стал заметно уменьшаться в 80-е гг. XX в., когда единственный раз всерьез поднимался вопрос о включении японского языка в число языков ООН, а в японской социолингвистике не раз проводились дискуссии на тему: «Будет ли в XXI в. мир говорить по-японски?». Очевидно, что это было связано с экономическими успехами страны. Но с началом периода экономической стагнации подобные разговоры стали менее заметны, а в новом веке пока что ситуация далека от оптимистических прогнозов недавнего прошлого.

Тем не менее, знание японского языка в мире заметно растет, причем более всего даже не в США или Европе, а в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, включая и Китай. Здесь усиливается международный обмен, для развития которого необходимо и наличие языкового взаимопонимания. Конечно, роль английского языка здесь существенна, но повышается и значение других языков, прежде всего, японского и китайского.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ГОРЫ ФУДЗИ

А.Н.Мещеряков, доктор исторических наук, профессор РГГУ

Гора Фудзи представляет собой один из самых зримых символов современной Японии. Кажется, что так было всегда, однако на самом деле это мнение ошибочно. Данный доклад ставит своей целью проследить этапы формирования образа Фудзи.

Фудзи представляет собой неподвижный и мало изменяющийся с течением времени объект, однако его осмысление в японской культуре значительно варьировалось (в зависимости от времени и культурных установок). Анализ проводится на основании литературных и изобразительных текстов.

В докладе выделяются следующие аспекты восприятия Фудзи.

1. Фудзи как священная даосская гора (Хорай).

2. Фудзи как священная буддийская гора (обиталище будды Мироку).
3. Фудзи как священная синтоистская гора.
4. Фудзи как объект поэтического творчества.
5. Фудзи как объект религиозного паломничества и символ восточной Японии (период Токугава).
6. Фудзи как символ Японии (периоды Мэйдзи-Тайсё-Сёва).

АНТИ-«НИХОНДЗИН РОН», ИЛИ НОВЫЕ МИФЫ ОБ УНИКАЛЬНОСТИ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.В.Чугров

Имеется одна сквозная линия попыток нации обсудить большие вопросы своей идентичности - это интеллектуальный дискурс, основанный на идее уникальности японской идентичности и получивший название *нихондзин рон* («теории о японцах»), зародившийся в эпоху Мэйдзи, приобретший более-менее ясные формы в 1930-х годах, достигший расцвета в 1960-1970-х годах и начавший увядать в 1980-х годах.

О теории *нихондзин рон* написана целая сага – сотни книг и десятки тысяч статей. И сейчас навязчивая тень мышления в духе теорий *нихондзин рон* еще присутствует (правда, в небольшой мере) в японском самовосприятии. Таким образом, еще живы стереотипы, подстегиваемые риторикой об особости, поскольку стремление к подчеркиванию своей самобытности действительно характерно для нации, желающей подкрепить свою идентичность.

В «теориях о японцах» было много привлекательного в силу их своеобразного романтизма и даже нарциссизма. Суть состояла в том, что японское общество провозглашалось цельным и гармоничным и утверждалось, что все (или почти все японцы) обладают единым национальным характером.

Среди выдающихся работ, которые способствовали укреплению *нихондзин рон*, следует выделить монографии Рут Бенедикт «Хризантема и меч» (Ruth Benedict “The Chrysanthemum and the Sword”) и Наканэ Тиэ «Межличностные отношения в вертикально структурированном обществе» (Nakane Chie “Interpersonal Relations in Vertically Structured Society”), в которых воспеваются группизм и вертикальная структура общества как альфа и омега японской системы ценностей.

Поток книг о *нихондзин рон* стал иссякать лишь в 1980-х годах. Япония стала чувствовать себя гораздо увереннее на международной арене, и необходимость в постоянном доказывании своей уникальной идентичности исчезла. Глобализация внесла серьезные поправки в самоидентификацию японцев. В научной литературе стало модным чуть ли не обязательным критиковать *нихондзин рон*. Автор подробно анализирует, как трансформировалась японская идентичность под натиском глобализации, в ходе которой родились новые мифы о Японии, которые ниспровергали старые стереотипные представления.

Имеется целый ряд наиболее типичных новых стереотипов о Японии, возникших на руинах «теорий о японцах»

Стереотип 1. Японцы более равнодушно относятся к своей стране, чем раньше. Автор развенчивает этот новый миф. С помощью статистики, он доказывает, что чувство любви к своей стране было достаточно стабильно на протяжении последних 20 лет, и в основном этот показатель был выше 50%. За последние три года обнаруживается тенденция к росту, а в 2008 г. индекс достигает своего пика – 57%.

Стереотип 2. Япония – это полноценная современная демократия. С институциональной точки зрения, сегодняшняя Япония не имеет разительных отличий от современных западных стандартов. Однако, позаимствовав на Западе основные элементы современной институциональной системы, японское общество наложило на них некоторые традиционные черты национальной политической культуры. Многие японцы конформистски вздыхают, ностальгируя по стабильности, возможности по-своему договориться, по паутине взаимных обязательств и законах, поддающихся широкому неформальному толкованию. И здесь в полной мере проявляется гибридность японской системы.

Стереотип 3. Япония – полностью безопасная страна. Японцы заслуженно гордятся низкими показателями преступности в стране. Но нельзя забывать, что на Японских островах существует одна из самых опасных форм организованной преступности – якудза. Другая проблема, о которой много пишет пресса – рост насилия и психологического террора в школах. Шокирующее впечатление на общество произвели террористический акт в токийском метро,

который подготовила и провела секта Аум синрикё, скандал с переливанием крови, зараженной СПИДом, поставки из Китая смертельно опасных для здоровья пельменей *гёдза* (*gyoza*).

Стереотип 4. Япония – мультикультурное открытое общество. В статье доказывается обратное: особую остроту в этнически гомогенной Японии приобрел вопрос мигрантов. Страна парадоксальным образом сохраняет элементы некоторой психологической закрытости, унаследованной из прошлого. Все еще в национальном внешнеполитическом сознании присутствуют рудименты “островного мышления”. Очевидно, сила натиска “чужих ценностей” в ходе нарастания процессов глобализации прямо пропорциональна сопротивлению.

Стереотип 5. Япония – признанный мировой лидер в развитии мировой торговли и промышленности. Япония, безусловно, активно способствует мировой торговле. Но было бы ошибкой считать, что страна открыла свои рынки и ликвидировала торговые барьеры. Для иностранцев крайне трудно вести бизнес с Японией без поддержки солидного японского партнера и практически невозможно купить фирму.

Стереотип 6. Японцы любят и берегут природу. Во многом это так. Но Япония оказалась в кольце экологических проблем из-за эгоистического использования природных богатств. Японцы спохватились, столкнувшись с явной деградацией окружающей среды. Промышленное процветание достигается порой за счет эгоистической эксплуатации бесценных ресурсов Мирового океана и других стран. В частности, Япония продолжает забой китов, несмотря на международные запреты.

Стереотип 7. Япония избавилась от группистского сознания. Японские противники *нихондзин рон* утверждают, что индивидуализм настолько глубоко проник в поры общества, что говорить о былом конформизме японцев уже наивно. Индивидуализм, дескать, полностью победил группизм. Автор оспаривает это утверждение, приводя цифры, которые полностью разрушают миф о полном торжестве индивидуализма западного типа в Японии.

Стереотип 8. Беспрецедентное трудолюбие. «Теории о японцах» провозглашают, что труд для жителей Страны восходящего солнца представляет собой самоценность. Однако когда японское общество достигло процветания, многие стали задаваться вопросом: «А почему надо много работать?». Прилежный труд из абсолютных добродетелей перешел в разряд дискуссионных. Досуг и потребление начали казаться более привлекательными, нежели производство.

Стереотип 9. Japan Incorporated. В течение десятилетий господствовало убеждение, что японская экономика основана на безграничной преданности служащих своей фирме. Однако модернизаторские процессы привели к размыванию квазикланов и укреплению формальных институтов открытого западного типа.

Стереотип 10. «Я», зависимое от других. Принято считать, что в японском сознании представление о собственном «я» (*self*) отличается зависимостью от мнения других (*interdependent self-concept*). Однако как показывают исследования японцев и неапонцев по различным методикам, независимая «я»-концепция доминирует среди японской молодежи. Конформизм и зависимость свойственны ей не в большей степени, чем молодому поколению других стран.

В целом, в Японии органично соединились традиция и модерн/постмодерн. Они столь тесно переплелись между собой, что появился термин *дзассюсэй зассхусэй* (гибридизация), а гибрид нельзя искусственно разделить пополам – на традиции и постмодернизм. Японский социум воспроизводит чрезвычайно эффективный синтез модерна, постмодерна и традиций *нихондзин рон*.

ЯПОНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СТРАНАХ АТР

Е.Катасонова, д.и.н., ведущий научный сотрудник ИВ РАН

Японские анимационные ленты, комиксы, видеоигры, поп и рок-музыка, телешоу и теледрамы, мода, кухня и т.д. за последние два десятилетия буквально заполнили собой весь мир, и в особенности столицы и крупные города Азиатско-Тихоокеанского региона. Именно здесь японская массовая культура почти сразу же гармонично вписалась в местный культурный ландшафт, оказав заметное влияние на ход стремительных социокультурных перемен в этом регионе. Даже в крайне консервативном в идеологическом отношении Китае товары японской культурной индустрии практически сразу же завоевали местный рынок.

Почему японская массовая культура так сегодня популярна в мире и, особенно в странах Дальневосточного региона и Юго-Восточной Азии? Причин несколько: это, в первую

очередь, - высокое технологическое и художественное качество самого культурного товара, в каком бы жанре он ни был бы представлен. Во-вторых, хорошо организованная промоушн-система – так называемый «имидж-альянс» производителей, дилеров, рекламных и медиакомпаний и т.д. Однако это – лишь внешняя, коммерческая сторона успеха японской культурной индустрии.

Суть же проблемы намного сложнее: Японию и многие страны Азии на протяжении веков связывают общее историческое прошлое, общие этнокультурные особенности, общие религиозные и мировоззренческие основы, языковая близость, по, крайней мере, иероглифическая, и т.д.. что облегчает понимание культур в рамках единого региона и делает культурное присутствие Японии в Азии более органичным и естественным, нежели деятельность западного культурного бизнеса.

Так, известный культуролог Сираиси Сая, проведя подробный анализ особенностей восприятия японских комиксов в странах Азии, приходит к выводу о том, что народы Восточной Азии пережили страшные военные испытания – бомбежки, огонь, смерть, разлуку с родственниками – все то, что является темой многих японских комиксов-манга. И это сходство трагических судеб, по мнению ученого, находит должный отклик в душах жителей этих стран. Даже для молодого поколения азиатов, не имеющего военного опыта, - подчеркивает она, - представления об ужасах войны достаточно сильны на уровне исторической и генетической памяти¹⁶.

Однако, общий исторический опыт – это понятие достаточно широкое. Применительно к Японии оно нередко ассоциируется с тяжелыми воспоминаниями азиатских народов о колонизаторском и милитаристском прошлом этой страны или же с ее недавним негативным имиджем «экономического животного» в годы японской экономической экспансии в страны Азии.

Самый яркий пример тому – Южная Корея, где и по сей день можно наблюдать довольно сложную и противоречивую ситуацию. С одной стороны, японская массовая культура пользуется здесь, возможно, самой большой популярностью в Северо-Восточной Азии, а, с другой, до сих пор не снят окончательно запрет на допуск на корейский рынок товаров японской поп-индустрии. Причины этому достаточно противоречивому явлению следует искать в историческом прошлом обоих народов.

С одной стороны, в культурном отношении и японцы, и корейцы имеют немало общих корней. Оба народа примерно полтора тысячелетия назад оказались в сфере культурного и религиозного влияния Китая. Японский и корейский язык несут в себе немало общего, в том числе грамматический строй, иероглифическое письмо, некоторое фонетическое сходство. Культурный обмен и торговля между двумя странами на протяжении веков была весьма интенсивной. В отдельные периоды истории в Японии проживало немало корейцев, а в Корее японцев. Однако этно-культурные, исторические и иные связи не сделали Корею и Японию дружественными государствами. История отношений двух стран была омрачена вооруженными конфликтами и, более того, 35-летним колониальным режимом Японии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Корее долгие годы существовали официальные и очень жесткие запреты на распространение в стране продукции японской массовой культуры. В то же самое время реальная картина постоянно изменяется. По мнению сторонников концепции «открытых дверей», большинство поклонников японской культуры в Корее - тинэйджеры, которых интересуют не столько выдающиеся достижения культуры, способные оказать влияние на менталитет молодежи, сколько поп-музыка, мягкая порнография и мультфильмы, которые воспринимаются в большей степени как элементы культурной глобализации. Однако у противников этой концепции есть и более серьезные аргументы. Они считают экспансию разновидностью неокOLONиализма, поскольку поп-культура не менее, чем автомобили считается средством завоевания рынка. Подобного рода политические и иного рода проблемы, сдерживающие развитие двусторонних связей с Японией, существуют еще у ряда стран Азии, в том числе у Китая и т.д.

Вот почему большинство ученых, размышляя о причинах успеха японской массовой культуры в странах АТР и Юго-Восточной Азии, возводят в абсолют такое понятие, как этно-культурная и религиозная общность азиатских народов, которая, якобы, и определяет траекторию культурных потоков. Сегодня много пишут об «азиатской сущности», «национальном аромате» японской культуры, которая, якобы, именно в силу этих своих особенностей легко резонирует в душе местного потребителя. Например, Ивао Сумико выдвигает понятие «общего душевного настроения» азиатских народов, Хонда Сино говорит о

¹⁶ Цит. по Harumi Befu . Globalization from Bottom Up:Japan's Contribution//Japanese Studies.2003, Vol.23, №1,p.11

своеобразии «дальневосточной психики», а Игараси Акио вводит термин «культурные переживания»¹⁷.

Один из ведущих японских культурологов Ивабути Коити, исследуя вопрос о том, почему азиатские слушатели предпочитают японских звезд эстрады американским, делает достаточно интересное заявление: «Костюмы, прически, поведение в высшей степени американизированных восточных знаменитостей, несомненно, больше ориентированы на своих зрителей, нежели у западных звезд, поскольку азиатские эстрадные идола более близки к реальности, и в них каждый из поклонников может без всякого труда установить сходство с самим собой. Именно эта близость между звездой и ее публикой отличает японскую систему создания идолов от голливудской»¹⁸.

Ивабуси также указывает то, что на жители Тайваня, Гонконга и других стран находят японские телевизионные драмы намного интереснее и доступнее американских в силу близости культурных стандартов, сходства менталитета, а также его такой особенности как особое внимание к деталям. Одним словом, без учета фактора культурной близости трудно объяснить такую огромную популярность продуктов японской культурной индустрии в странах Азии.

И, тем не менее, по-видимому основная причина этого феномена кроется в противоположном явлении – в огромном тяготении азиатов к западной культуре, к которой они приобщаются через посредство Японии, не только взявшей на себя роль моста между Западом и Востоком, но и достаточно успешно адаптирующей западную культуру к азиатской специфике. Иначе, как можно объяснить тот факт, что тайваньская молодежь, например, предпочитает покупать японские товары, а не китайские или же почему тайские студенты увлекаются американским джазом – продуктом совершенно иной цивилизации.

Если концепция культурной общности практически безотказно работает на страны Северо-Восточной Азии, такие как: Тайвань, Корея, Китай, Гонконг и по большей части Сингапур – регион, где сильно китайское (конфуцианское) влияние, то, как объяснить этот японский феномен в странах Юго-Восточной Азии? Такие государства, как Малайзия и Индонезия, например, также как и страны Северо-Восточной Азии в последние годы все решительнее настаивают на своей независимости от Запада, выдвигая лозунг «Азиатизация Азии» или «возвращение в Азию». Является ли этот своеобразный «азиатизм» достаточным основанием для того, чтобы говорить о новой культурной общности жителей азиатских стран? Это риторическое предположение вызывает много сомнений и еще больше вопросов.

Наиболее исчерпывающий ответ на этот вопрос предлагает один из крупных японских аналитиков в области современной культуры Ивабути Коити. По мнению ученого, японские медиа-компании экспортировали в Азию по сути дела японский вариант адаптированной под себя западной культуры»¹⁹. И таким образом, население Азии уже более не потребляет западную продукцию, а его адаптированную или, говоря другими словами, ее «гибридизированную» версию.

Существует мнение, что японская массовая культура вторична по отношению к американской. Это отчасти верно, а отчасти – нет. Дело в том, что общая структура массовой культуры была позаимствована японцами у США. Однако в эту структуру японцы заложили свое, достаточно самобытное содержание, и потому современная японская массовая культура стремительно завоевывает не только азиатские, но и американские и европейские рынки.

«Япония дает свою интерпретацию западной поп-культуре и тем самым делает ее более простой и привлекательной для остальной части Восточной Азии», - заявляет Ивабути²⁰. Япония служит своеобразным центром, через который продукты западной цивилизации поступают в страны АТР. При этом в Японии сегодня достаточно четко представляют себе, что путь к культурному лидерству лежит не через пропаганду исключительности японской культуры, трудно и малодоступной широким массам, а, преимущественно, массовой культуры, которая стала главной формирующей глобализационных процессов.

¹⁷ [http:// cc.msnsnccache.com](http://cc.msnsnccache.com)

¹⁸ Цит. по Harumi Befu. «Globalization...», p. 7-8

¹⁹ Iwabuchi Koichi. Recentering Globalization. Tokyo, 2002, p.20

²⁰ Цит. по Befu Harumi. Globalization from Bottom Up: Japan's Contribution. – Japanese Studies. 2003, vol.23, №1, p.9

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Железняк О.Н., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН

Культурная политика является важной частью государственной политики развития Японии. Политика в сфере культуры предполагает разработку двух основных аспектов культурной политики – внешнего и внутреннего.

Внешний аспект культурной политики Японии.

1. Японская культура как одно из важнейших средств реализации экономических интересов страны за рубежом. К середине 50-х годов Япония, завершив послевоенное восстановление экономики, взяла курс на развитие экономики, ориентированной на экспорт. В процессе проведения этого курса в жизнь стало очевидно, что для успешного ведения торговли с другими странами и укрепления положения на международном рынке важную роль играет не только цена и качество товара, но и социально-психологические факторы, в том числе стереотип восприятия Японии и японцев, сложившийся в других странах. Стала очевидной настоятельная необходимость формирования положительного образа Японии и японцев за рубежом посредством как ознакомления всего мира с достижениями японской культуры, так и глубокого изучения культуры других народов самими японцами. Ознакомление народов других стран с культурными достижениями Японии является одним из приоритетов экономической политики Японии.

2. Культура как средство для изменения статуса Японии среди стран мирового сообщества. На мировой арене за Японией надежно закрепился статус «экономического гиганта, но политического карлика». Желание Японии распространить японскую культуру в мире имеет целью компенсировать указанную диспропорцию между экономическим могуществом и политической слабостью страны, конечном счете предполагает обретение Японией большего политического влияния на мировой арене. С этой точки зрения, культура и ее распространение представляет огромный интерес для обеспечения национальных интересов Японии за границей. Однако, усилить свое политическое влияние Японии все-таки вряд ли удастся. Опыт культурной экспансии Японии и реакции на нее в мире, а также складывающаяся конъюнктурная ситуация позволяют предположить, что добиться этой цели в ближайшие десятилетия Японии будет крайне трудно.

3. Японская культура как вклад Японии в общемировую культуру. В условиях глобализации и стремительно идущем процессе взаимопроникновения культур Япония стремится внести посильный вклад в развитие и обогащение мировой культуры. Одной из организаций, которая работает над выполнением задачи распространения японской культуры в мире является «Японский фонд». Фонд был учрежден при министерстве иностранных дел Японии в 1971 г. Главная цель его деятельности – развитие сотрудничества в области культуры с целью постепенного превращения Японии в «нацию, вносящую весомый вклад в дела мира: внести вклад в мировую культуру и благосостояние человечества». Деятельностью фонда охвачено уже 190 стран, в том числе и Россия. В течение почти 40 лет, которые прошли со времени его создания в Японии появились и другие организации, которые также способствуют достижению вышепоставленной цели: Центр Глобального партнерства при Японском фонде, фонд корпорации «Тойота», Япония активно участвует в деятельности ЮНИСЕФ и ЮНЭСКО. Продвижением японской культуры в мире занимаются также различные многочисленные неправительственные, общественные и другие организации Японии.

За годы проведения активной культурной политики, Японии удалось достичь высоких результатов. Один из ярких примеров: сейчас число людей изучающих японский язык в мире составляет около 3 млн. человек. За 28 лет, с 1979 года (127 167) по 2006 год (2 979 820), число изучающих японский язык увеличилось в 23 раза. А только за последние 16 лет, с 1990 года (981 407) их число возросло в 3 раза. Таких примеров множество.

Проникновение японской культуры в Россию также можно отчетливо проследить. Все больше людей изучают японский язык, посещают рестораны японской кухни, смотрят японское кино (регулярные фестивали японского кино в рамках фестиваля «Японская осень»), ходят на различные выставки японского искусства, увлекаются *манга* и *аниме* (в основном молодежь). Все больше японских слов становятся неотъемлемой частью русского языка: *гэйша*, *кимоно*, *суши*, *каратэ*, *аниме*, *манга*, *сакэ*, *тоета*, *мазда*, *нисан*, *тануки*, *ацумари*, и др.

Внутренний аспект культурной политики Японии.

1. Сохранение японской национальной культуры для поддержания национальной самоидентичности. Главной целью внутренней культурной политики Японии является сохранение национальной самоидентичности, которая в условиях глобализации подвергается стремительному натиску со стороны других культур, и главным образом, культуры Запада. С целью сохранения национальной культуры в Японии проводится широкий спектр мероприятий.

Среди них, мероприятия, направленные на сохранение самобытной культуры айну, народной музыки (*кото, сямисэн, японские барабаны*), японских национальных видов изобразительного искусства (*укиё-э, нихон-га*), ведется строительство новых музеев и выставочных залов, где демонстрируются произведения народного искусства, сохранение обычаев и традиции (фестивали, праздники) и др.

2. Культура как «панацея от всех социальных бед» – такая роль возлагается на японскую культуру внутри страны. Японцы уверены, что высокий культурный уровень населения позволит справиться с существующими в японском обществе проблемами, и обеспечит японскому народу уверенное продвижение вперед к построению более развитого общества, общества с более высоким уровнем духовного развития.

3. Одним из важнейших направлений культурной политики Японии является проведение третьей реформы образования. Основные задачи реформы были обозначены в изданном в 2001 г. Министерством просвещения и науки Японии «Плане обновления образования на XXI век». В этом плане указываются семь «стратегических аспектов» реформы образования.

Характерными моментами третьей реформы японской системы образования можно считать ее нацеленность на индивидуализацию обучения и культивирование индивидуальности учащихся, усиленное развитие мыслительной деятельности и творческих способностей, смягчение стресса, получаемого абитуриентами при поступлении в ВУЗы, расширение образовательных возможностей посредством системы непрерывного образования, содействие процессу интернационализации японского общества.

Таким образом, основными задачами культурной политики Японии является – продвижение экономических интересов Японии в мировом экономическом пространстве, используя возможности культурной политики, попытка укрепления своего политического влияния и изменение своего статуса на мировой арене с помощью внесения посильного культурного вклада в общемировую культуру, в условиях глобализации сохранение японской национальной самоидентичности; реформирование системы образования, которая бы в ближайшем будущем позволила Японии ответить всем основным вызовам современности.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШКОЛЫ ТЭНДАЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ И СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В РАМКАХ ДВИЖЕНИЯ «ИТИГУ ВО ТЭРАСУ»

Лепехова Елена Сергеевна, научный сотрудник, к.фл.н., Институт востоковедения РАН, отдел истории и культуры Древнего Востока.

После второй мировой войны японский буддизм, также как и другие аспекты традиционной японской культуры, подвергся значительной трансформации. Экономический подъем в Японии 1960-х и 1970-х годов способствовал росту урбанизации и как следствие разрыву связей огромного числа прихожан с местными буддийскими храмами. С другой стороны, отток последователей буддизма был вызван появлением в эти годы новых религиозных течений, некоторые из которых сочетали в себе черты христианства, буддизма и синтоизма одновременно. Экономические перемены последних лет в Японии также отразились на положении буддийских храмов и духовенства. Если прежде они находились на государственном обеспечении, то теперь многие местные храмы существуют за счет доходов от пожертвований и храмовых служб. Из-за сокращения числа прихожан (связанным с урбанизацией) средства, выделяемые на содержание храма, как правило невелики, что вынуждает местных священников увеличивать расценки на проведение ритуальных богослужений (похорон и заупокойных служб) и заниматься заработками на стороне.

Все это способствовало формированию в современном японском обществе восприятия буддизма как к «коррупцированного» (*дараку буккё*).

На волне социальных волнений 1960-х и 1970-х годов (студенческие выступления, антивоенные демонстрации в период войны во Вьетнаме, активизация коммунистического движения и т.д.) буддийские секты выступили с программой социальных движений *минсю кёдан*.

Особого внимания, на мой взгляд, в этом контексте заслуживает деятельность буддийской школы Тэндай, основанной буддийским монахом Сайтё (Дэнгё-дайси) (767-822) в начале IX в. В 1969 г. школа Тэндай организовала собственное социо-религиозное движение «Итигу во тэрасу» (一隅を照らす), (букв. «Освети свой угол»), которое ныне превратилось в одно из крупнейших социо-религиозных движений не только в Японии, но и в странах Юго-восточной Азии.

Само название движения - «*Итигу во тэрасу*», было взято из сочинения Сайтё «Рокудзёсики»:

«Что есть сокровище страны? Сокровище – мысли о пути к просветлению. Если давать имена тем, кто несет в себе мысли о Пути, то они – сокровище страны.... Мудрец прежних времен говорил, что десять драгоценностей не являются сокровищем страны, но он, который освещает все уголки страны (*итигу во тэрасу*), является ее истинным сокровищем.»²¹

Вокруг термина *итигу во тэрасу* сразу же разгорелся спор между японскими исследователями – буддологами и представителями движения. Некоторые исследователи (Фукуи Кодзюн) придерживаются мнения, что иероглиф *во* 壑 в тексте оригинала должен быть прочитан как *сэн* 千 (тысяча). Тогда фраза будет означать: «*сэн во тэрасу, итигу во мамору*» (просвети тысячу и храни свой угол). Другие (Окубо Рёсин) настаивают на чтении *во*, поскольку считают, что этот знак имеет особое значение в классическом китайском языке, на котором было написано большинство сочинений Сайтё.²²

Хотя эти дебаты не утихают до сих пор, они никак не повлияли на общую направленность движения – привлечь новых последователей, укрепить связи с прихожанами и создать в глазах общественности новый привлекательный образ секты. Образ основателя школы Сайтё при этом призван играть вдохновляющую роль.

Одним из достижений движения «*Итигу во тэрасу*» можно считать создание специальной программы «Три практики», направленной на укрепление связей с прихожанами и совместное участие буддистских монахов и мирян в социальных проектах, как в Японии, так и во всем мире.

Первым пунктом этой программы является «Гармоничное сосуществование», подразумевающее охрану окружающей среды и бережное обращение с природными ресурсами, в основе которого лежит принцип буддийский принцип взаимозависимости. Так, к тридцатой годовщине существования движения в префектуре Сайтама была организована кампания по лесопосадке взамен деревьев, пострадавших от тайфуна.²³ В 1997 г. когда российский нефтяной танкер потерпел крушение у побережья префектуры Симанэ и в прибрежные воды вылилась нефть, школа Тэндай организовала в этом районе центр добровольной помощи по очистке пляжей от нефти.²⁴

Следует особо рассказать о той роли, которую школа Тэндай сыграла во время катастрофического землетрясения в Кобэ, случившегося 17 января 1995 г. Сразу же после землетрясения в Кобэ выехала делегация высокопоставленных священников Тэндай. Ими было организовано «Подразделение по противодействию стихийным бедствиям» (Сайгай тайсаку хонбу). В префектуре Хёго был открыт центр экстренной помощи Тэндай, поскольку центры добровольной помощи при храмах Тэндай в Кобэ пострадали от землетрясения. В первые месяцы после открытия центр обеспечивал поставку воды, продуктов питания и одежды для пострадавших от землетрясения в центрах эвакуации. Священники Тэндай из центра провели поминальную службу по погибшим во время землетрясения. В пользу пожилых людей, пострадавших от землетрясения были организованы благотворительные концерты, специальные посещения храмов Тэндай на горе Хизэй и сбор средств для покупки инвалидных колясок.²⁵

После трагедии в Кобэ помощь жертвам стихийных бедствий в Азиатско-тихоокеанском регионе стала одним из обязательных пунктов практики «Гармоничного существования» в рамках международной благотворительной деятельности Тэндай.

В 1999 г. школа Тэндай инициировала кампанию по оказанию гуманитарной помощи пострадавшим от землетрясения на Тайване и пожертвовала в их пользу 1 млн. йен.²⁶

В 2003 г. в рамках практики «Служения» лидерами движения было пожертвовано 500 000 йен пострадавшим от извержения вулкана на Хоккайдо.²⁷

Поскольку в современном мире проблемы экологии и загрязнения окружающей среды все чаще выходят на первый план, и, соответственно, в движении «*Итигу во тэрасу*» им

²¹ «Рокудзёсики» // «Буддизм в Японии», М., «Наука», 1993, С.126

²² Covell S.G. “Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation”// University of Hawaii press, Honolulu, 2005, P. 46

²³ IBID, P.51

²⁴ «Кохо Тэндай», № 20, 1997

²⁵ Covell S.G. “Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation”// University of Hawaii press, Honolulu, 2005 PP.106-107

²⁶ “Bukkyo Times Weekly”, № 1, 1999

²⁷ «Тюгай Ниппо», от 18 апреля, № 3, 2003

уделяется особое внимание. В 2009 г. школа Тэндай осуществила специальный выпуск электронного журнала «The Tendai Journal» («Тэндай дзянару»), посвященный проблеме глобального потепления и загрязнения окружающей среды. Его основное содержание составляет обсуждения проблемы увеличения аридных зон и эрозии почв в Монголии, связанные с сокращением площадей лесных массивов. По мнению авторов выпуска, все это является следствием интенсивной экономической деятельности США и Китая.²⁸

Одновременно, «Гармоничное сосуществование» в программе Тэндай подразумевает возвращение к традиционному японскому обществу. Экономический рост в Японии, по мнению лидеров Тэндай, привел к тому, что в погоне за материальными ценностями общество утратило представление об истинном счастье и человеческих ценностях, чем объясняется распад семей, снижение уровня рождаемости и высокий процент самоубийств. При этом часто цитируются слова Дэнгё Дайси, сказанные им его ученикам на смертном одре: «Можно найти одежду и пищу в мыслях о пути Будды, но мыслей о пути Будды нет в одежде и пище». Это утверждение, которое содержится на официальном интернет-сайте Тэндай в портале «The words of Dengyo Daishi» («Слова Дэнгё Дайси»),²⁹ подразумевает, что материальные ценности (одежда и еда) и культура потребления не приносят постоянного счастья (просветления). Однако в поисках истинного смысла жизни (пути Будды) можно обрести и материальное благоденствие.

Второй практикой является «Служение», направленное на добровольное участие в общественных проектах. Это самый обширный пункт в программе движения Тэндай, поскольку он подразумевает участие в волонтерском движении всех без исключения последователей Тэндай, как монахов, так и мирян. Достаточно сказать, что практика «Служение» имеет два направления – международное и внутреннее.

Основы международного направления практики «Служения» зародились еще в середине 60-х годов, в рамках антивоенного движения. В 1966 г. в Токио была основана Токийская Молодежная Ассоциация Буддистов Тэндай (Токио Тэндайсю Буккё Сэйнен Рэнмэй). Возглавивший ее тэндайский священник Сугитани Гидзюн был активным участником движения против войны США во Вьетнаме и, ранее, в 1965 г. принял участие в буддийском саммите в Южном Вьетнаме.³⁰ В 1970 г. Токийская Ассоциация объединилась с другими молодежными ассоциациями Тэндай, существовавшими по всей стране и создала единую молодежную ассоциацию буддистов Тэндай (Тэндайсю Буккё Сэйнен Рэнмэй). Членами этой ассоциации стали тэндайские священники до сорока лет. Они приняли (и продолжают это делать и поныне) самое активное участие в движении «Итигу во тэрасу». Так, возглавивший ассоциацию священник Нисиока Рёко (который ныне возглавляет школу Тэндай в Японии) начал уделять внимание преимущественно международной деятельности школы Тэндай, в частности проблеме гуманитарной помощи беженцам из Камбоджи в 70-е годы. Можно без преувеличения сказать, что нынешняя концентрация движения «Итигу во тэрасу» в странах Юго-Восточной Азии обусловлена деятельностью Нисиока Рёко. Также благодаря ему в 1987 г. был организован Всемирный Религиозный Саммит на горе Хизэй, на который были приглашены религиозные лидеры всего мира.³¹

Ныне, международная практика «Служения» движения «Итигу во тэрасу» выражается прежде всего в сотрудничестве Тэндай с фондом ЮНИСЕФ (**Детский фонд ООН** или **ЮНИСЕФ**) ([англ. UNICEF, United Nations International Children's Emergency Fund](http://www.unicef.org/)) а также в создании фондов для помощи нуждающимся в странах третьего мира. Так, в Таиланде и Лаосе действуют программы Дуанг Пратип (социально-образовательная программа для помощи детям из трущоб, названная по имени основательницы фонда Пратип Унсонг Тхам), направленные на создание детских школ и образовательных программ в отдаленных районах Лаоса и Таиланда. С 2007 г. к ним добавилось участие Тэндай в ассоциации «Панья метта» (хинди. «сиротский приют») для помощи сиротским приютам в Индии.³²

Говоря о распространении движения «Итигу во тэрасу» в Азиатско-тихоокеанском регионе, нельзя не упомянуть о той активной миссионерской деятельности, которую школа Тэндай проводит на Гавайи (США). В 1978 г. под руководством священника Сугэвара Эйкай в Гонолулу был воздвигнут буддийский храм школы Тэндай.³³ В ноябре 2008 г. там прошло

²⁸ <http://tendai.or.jp/journal/kiji.php?nid=76>

²⁹ <http://www.tendai.or.jp/thewordsofdengyodaishi/>

³⁰ Covell S.G. "Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation"// University of Hawaii press, Honolulu, 2005 P. 105

³¹ IBID

³² <http://www.tendai.or.jp/>

³³ <http://www.tendai.or.jp/>

торжественное празднование 35-летней годовщины миссионерской деятельности школы Тэндай за рубежом. Как говорится по этому поводу на официальном сайте Тэндай: «Воздвижение этого храма было первым шагом на пути миссионерской деятельности Тэндай за рубежом.» Как указывается далее, в будущем, школа Тэндай планирует воздвигнуть свои храмы, и, соответственно, расширить свою миссионерскую деятельность в других штатах США, Бразилии, Европе и Индии.³⁴

В Японии же программа «Служение» направлена на привлечение добровольцев для социальных проектов и благотворительности. Ее девизом стали следующие слова Сайтё из «Рокудзёсики»:

«А именно сынов Будды, несущих в себе мысли о пути, на западе называют бодхисатвами, а на Востоке именуют благородными мужами. Принимая на себя зло, дают счастье другим, забывая о себе, служат другим – вот предел сострадания.»³⁵

В данном отрывке Сайтё сравнивал «благородного мужа» - конфуцианский идеал социального человека и бодхисатву-монаха, дабы показать, что оба они являются «сокровищем страны» (*кокубо*). Сравнение тэндайского монаха – бодхисатвы с конфуцианским «благородным мужем» означало, что деятельность обоих направлена на служение государству для его блага и процветания.

На сайте Тэндай в портале «The words of Dengyo Daishi» также выложена эта цитата и там она интерпретируется следующим образом:

«Те, кто желает достичь просветления верят, что помощь другим имеет преимущество над личными интересами. Бодхисаттвы в индийских сутрах или «благородные мужи» в китайской философии названы разными именами, но эти имена обозначают того, кто стремится к просветлению.

....Обычно мы думаем только о себе и склонны считать наши интересы превыше других людей. Мы должны знать, что очень важно приносить пользу другим, не думая о себе.»³⁶

Здесь выражена основная суть понятия «Служения» - индивид, действуя для блага общества, способствует собственному самосовершенствованию (просветлению).

На практике «Служение» проявляется в благотворительности и социальных программах для малообеспеченных семей. В последнее время при некоторых местных храмах стали организовываться детские сады для работающих матерей и пункты по уходу за инвалидами, умственно отсталыми, неизлечимо больными и пожилыми людьми. Как правило, в них работают молодые священники, недавно принявшие посвящение.³⁷ В последнее время, в связи с экономическим кризисом последних лет движение «*Итигу во тэрасу*» стало уделять больше внимания малообеспеченным слоям японского общества. Его представители поддерживают программы, дающие возможность получить образование детям из малообеспеченных семей и организуют по всей стране кампании в поддержку бездомных.³⁸

Последней из трех практик является практика «Жизни». Смысл ее заключается в осознании счастья родиться в человеческом теле, поскольку по буддийской классификации из всех видов десяти живых существ только люди могут постигнуть учение Будды. В качестве подтверждения приводятся следующие слова Сайтё: «Человеку трудно получить человеческий облик, но легко потерять его. То, что трудно появляется, но легко забывается, - это добрые мысли (намерения).»³⁹ Это подразумевает, что человеческая жизнь является бесценным даром и потому следует относиться ко всем людям с почтением и уважением.

Поскольку мы обязаны своей жизнью нашим родителям и предкам, то должны относиться к ним с особым почтением. Для этого, как полагают представители движения, следует возродить традиционный институт японской семьи, почитающей своих предков и тем самым тесно связанной с буддийским храмом. Возрождение в Японии традиции почитания «культы предков» в каждой отдельно взятой семье приведет не только к возрождению моральных и духовных ценностей в целом, но и традиционного буддизма в частности.

Этот пункт программы движения «Итигу во тэрасу» в действительности был реализован лишь частично, поскольку Тэндай так и не удалось задействовать в движении

³⁴ IBID

³⁵ См. «Рокудзёсики» // «Буддизм в Японии», М., «Наука», 1993, С.126

³⁶ <http://www.tendai.or.jp/>

³⁷ Covell S.G. "Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation"// University of Hawaii press, Honolulu, 2005 P.102

³⁸ <http://www.tendai.or.jp/>

³⁹ См. Сайтё «Гаммон» // «Буддизм в Японии», М., «Наука», 1993, С.126

большое число прихожан по той причине, что все ведущие роли в нем играли священники. Однако сейчас движение по-прежнему продолжает свою деятельность, участвуя во многих международных проектах и организуя собственные мероприятия, приуроченные к годовщинам основания школы Тэндай.

То, что многие программы движения «*Итигу во тэрасу*» во многом направлена на международное сотрудничество, на мой взгляд, связано, прежде всего, с повышенным интересом к буддизму в современном западном мире, который наблюдается последние 40 лет. Вместе с тем, на Западе, наряду со школами тибетского буддизма *ваджраяны* и японского Дзэн-буддизма все более уверенно набирают позиции и новые религиозные течения необуддийского толка, как, например, Сока Гаккай (Общество установления ценностей), создавшая обширные конфессии в Бразилии.⁴⁰ Возможно, что лидеры движения «*Итигу во тэрасу*», понимая важное социально-политическое значение буддизма в современном мире, не хотят оставаться в стороне от этого процесса. Следует отметить при этом, что программа международного сотрудничества и взаимопомощи тэндайского движения, то и дело, вызывает нарекания и критику со стороны японской общественности, призывающей тэндайских лидеров обращать больше внимания на проблемы духовенства внутри страны. С одной стороны их критика совершенно справедлива, но, с другой, можно предположить, что, чем более успешной окажется деятельность Тэндай в участии по разрешению социальных, политических и экологических вопросов в современном международном сообществе, тем больше вероятность, что оно сможет найти альтернативные пути выхода из идеологического кризиса, в котором находится традиционный японский буддизм.

Духовное наследие основателя школы Тэндай Дэнгё Дайси продолжает оставаться его идеологической основой. Как следует из выше сказанного, в ходе новейшей истории Японии идеи Дэнгё Дайси не раз подвергались различным толкованиям (порой взаимоисключающим) в зависимости от политической и социальной обстановки в стране. В современных условиях традиционный буддизм в Японии утрачивает свои лидирующие позиции из-за появления значительного числа новых религиозных сект. И не исключено, что в дальнейшем сочинения Сайтё обретут новую трактовку для сохранения школы Тэндай.

Литература

1. «Буддизм в Японии», М., «Наука», 1993
2. «Тюгай Ниппо» (газета буддистов Японии), от 18 апреля, № 3, 2003
3. «Кохо Тэндай» («Официальный Вестник Тэндай»), № 20, 1997
4. "Bukkyo Times Weekly", № 1, 1999
5. Groner P. "Saicho: The establishment of the Japanese Tendai school", Berkley, 1984,
6. Covell S.G. "Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation"// University of Hawaii press, Honolulu, 2005
7. Ronan Alves Pereira «A Japanese New Religion in the Age of Globalization: The Role of Leadership within the Neo-Buddhist Soka Gakkai International»// *International Institute of Asian Studies Newsletter*. No. 47;
8. <http://www.tendai.or.jp/> - официальный сайт школы Тэндай
9. <http://tendai.or.jp/journal/kiji.php?nid=76> – "The Tendai Journal" – электронный журнал Тэндай;

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯПОНИИ В АСПЕКТЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ АТР

Спицына Ксения Андреевна, к.э.н.

В условиях складывающейся многополярности международной технологической сферы, постоянного расширения списка стран-производителей наукоемких товаров, высоких темпов роста их мировой торговли активные действия в Японии направляются на стратегию совершенствования внутренних ресурсов и качественных сторон инновационного потенциала, использование науки и техники как источника постоянных новых достижений, эффективного стабилизатора экономического процесса и залога положительной динамики национального роста, а также соответствия получаемых результатов мировому научно-техническому порядку,

⁴⁰ Ronan Alves Pereira «A Japanese New Religion in the Age of Globalization: The Role of Leadership within the Neo-Buddhist Soka Gakkai International»// *International Institute of Asian Studies Newsletter*. No. 47.

ставящему во главу угла общегуманитарные задачи и гармонизацию отношений «техносфера-общество».

Практические аспекты реализации этой стратегии связаны с созданием национальной инновационной системы, которая должна представлять собой гибкую динамичную структуру, учитывающую многочисленные возникающие разнонаправленные эффекты, и состоять из совокупности взаимосвязанных элементов, занятых производством, коммерческой реализацией и применением научных знаний и технологий, а также включать институты административного, правового, финансового, социального характера, обеспечивающие эти процессы в пределах национальных границ.

Национальная инновационная система Японии открыта для внешних международных взаимоотношений и сфер, где возможно интегрирование и координация интересов инновационных структур различного свойства, генерирование, использование и трансферт новых технологий и наукоемкой продукции на внутренний рынок (экономик, участвующих сотрудничестве) и мировой рынок.

Япония является ведущей страной Азиатско-Тихоокеанского региона. Ситуацию в регионе определяют, с одной стороны, происходящее усиление взаимосвязей экономик, что стимулирует процесс региональных, субрегиональных образований и областей интеграции, а с другой - развитие конкуренции инновационных и технологических систем, соревнующихся между собой, а также за ресурсы и рынки.

Япония оказывает прямое и косвенное влияние на различные процессы, протекающие в регионе. Географическая близость, успехи в области науки и техники, которые делаются странами Азиатского сектора региона, и другие факторы стимулируют движение Японии по вектору создания нового поля интеграционного взаимодействия - региональной инновационной системы. Пространственные очертания концепции региональной инновационной системы выходят из рамок АТР, смещаются в его Азиатский сектор, который за счет включения прилегающих зон расширяется до географических масштабов Восточной Азии.

Япония в соответствии со стратегией развития национального инновационного потенциала первостепенное значение в региональном взаимодействии придает поиску возможностей получения радикально новых знаний и формирования принципиально новых технологий, меняющих существующую в стране производственную основу и способствующих развитию новых направлений. Отрасли, связанные с процессами получения и реализации знаний, которые генерированы в ходе инновационного взаимодействия в регионе, могут предоставить возможности для построения новой международной научно-технической специализации в рамках перспективной региональной инновационной системы с выгодой для участвующих сторон и региона в целом.

Япония в стратегии инновационного взаимодействия выделяет направления, имеющие глобальную и региональную значимость и существенный социально-экономический эффект: проблемы населения и человеческие ресурсы, природные катастрофы и устранение их последствий, инфекционные заболевания и их предотвращение, энергия, ресурсы и окружающая среда, а также крупные проекты, касающиеся исследования космоса, океана и т.д.

Правительственные, научно-исследовательские и другие организации Японии инициируют соответствующие программы, преимущественно среднесрочного и долгосрочного характера определения задач, которые дают возможность построение длительного взаимодействия и стимулируют совместные исследовательские работы, процесс формирования сетей обмена информацией, создание условий для активных контактов исследователей и мобильности специалистов, способствующих органичному сотрудничеству различных научно-технических, учебных организаций и промышленного сектора в целях обеспечения синтеза знаний и реализации инноваций междисциплинарного характера.

Инициативы Японии находят отклик в странах региона, так как они совпадают с потребностями и намерениями стран в формировании собственных научно-технических и интеллектуальных возможностей для продвижения вперед на основе научно-технических достижений.

Однако готовность к реальному восприятию предложений научно-технического сотрудничества со стороны Японии у стран не одинаковая. Связано это с условиями макроуровня, которые оказывают существенное влияние на темпы развития научно-технического сотрудничества стран региона с Японией, его качество и глубину.

Эти условия выражены в различных странах Восточной Азии по-разному и зависят от: степени накопления технологической компетенции через генерацию знаний и опыта на основе внутренних ресурсов; создания научно-технической специализации с учетом культурно-исторические, организационных и т.д. особенностей; внутренней стратегической интеграции и

сбалансированной с внутренними процессами внешней ориентации; систематизации институтов различного уровня, связей и факторов, поддерживающих научно-техническую деятельность; изменения структуры рабочей силы и ее качества; корректировки внутренних технологических зависимостей, которые связаны с внутренними потребительскими предпочтениями, а также взаимодействиями между потребителями и производителями; координации экономической и научно-технической политики; стимулирования внутреннего спроса; нивелирования дуализма и диспропорции в экономике между наиболее развитым экспортоориентированным сектором экономики и сектором, который работает на внутренний рынок и т.д.

Япония с учетом данной ситуации исходит из принципов системного видения региона как совокупности разнообразных динамичных взаимосвязанных структур, последовательно продвигающихся в своем развитии. Различие в качествах элементов не является потенциальной слабостью системы, это создает дополнительные возможности для гибкости и допускает использование «институциональных пустот», то есть пространств, которые можно в зависимости от обстоятельств наполнять различным содержанием. Это становится дополнительной возможностью для построения дизайна региональных инновационных связей различного уровня сложности с учетом взаимодополнения и сочетания потенциалов, увязывания тенденций конкурирования и сотрудничества.

Принцип многоуровневости системы позволяет осуществлять подключение к сотрудничеству горизонтов разного уровня : первичный уровень научно-технической деятельности (отдельная личность, имеющая определенную квалификацию, знания навыки); микроуровень (отдельная организация , осуществляющая разработку или производство продуктов и услуг одной отрасли и связанные с ней институты инфраструктуры – образовательные, юридические и т.д.) ; мезоуровень (группа организаций разного профиля и отраслевой принадлежности и поддерживающая их инфраструктура): макроуровень (национальная научно-техническая система, включающая все ее составляющие); гиперуровень (объединение национальных научно-технических систем в рамках региона в различной конфигурации).

Принцип многолинейности системы позволяет определять основную и вспомогательную траектории сотрудничества, учитывая разнообразие условий стран и те факторы, которые не возможно преодолеть в ближайшей перспективе.

В настоящее время Япония применяет эти принципы в исследовательских программах для использования научного потенциала стран региона. Ведущиеся международные исследования предполагают подготовку базы (персонал, материальная база) для дальнейших совместных работ и позволяют выработать механизм взаимодействия на инновационной стратегической основе.

Япония дифференцирует региональное пространство Восточной Азии, определяя различные сегменты взаимодействия с учетом особенностей стран региона. В этой специализации выделяется центр, объединяющий Японию, КНР, Республику Корея, Индию, который можно позиционировать в региональной научно-технической структуре как потенциальный узел – конденсатор научно-технического знания, ведущий исследования и осуществляющий практические работы высокого уровня, связанный как с национальной инновационной системой Японии, так и с системами других стран региона.

Очевидно, что эффективность реализации потенциальных возможностей научно-технического сотрудничества Японии со странами Восточной Азии в направлении инновационного развития напрямую связана с общими условиями взаимодействия. Япония способствует оптимизации потенциала партнерства стран, через создание общей среды сотрудничества, соответствующей стратегическим целям. Япония, в процессе реализации проектов координирует макроэкономических аспектов регионального научно-технического сотрудничества, стимулирует установление стандартов качества и общих схем выполнения работ, единых принципов организации научно-исследовательской деятельности, создание общей институциональной среды , отвечающей современным задачам и способствующей перспективному повышению уровня сотрудничества, обеспечивающей слаженность действий всех элементов системы сотрудничества в целях достижения высокого результата деятельности в условиях объемной многомерной региональной системы.

Таким образом, Япония способствует развитию собственного национального инновационного потенциала, используя возможности стран АТР и прилегающих зон Азии через активизацию интеграционных процессов на базе научно-технического сотрудничества в его инновационной направленности. Разнообразие возможностей ландшафта научно-технического исследований в регионе способствует использованию Японией возможностей для

генерирования многомерных знаний, стимулирующих формирование новых отраслей и производств. На динамизм развития взаимодействия будут оказывать влияние многие факторы, отражающие как внутренние, так и внешние эффекты. Хотя гибкость диверсифицированной архитектуры взаимодействия позволяет соотносить динамику реализации стратегии развития инновационного потенциала Японии с темпами и глубиной процессов, происходящих в странах региона, в общем региональном разрезе и в мировом сообществе.

КИТАЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ МИГРАЦИЯ В ЯПОНИЮ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ковригин Никита Евгеньевич

Уже не первое десятилетие внимание политиков, экономистов, бизнесменов, ученых и общественности приковано к такому явлению, как глобализация, или, выражаясь более точно, «международная экономическая интеграция». Либерализация национальных рынков приводит к увеличению товарных потоков, перетеканию капиталов, обмену технологиями и т.д. Экономика крупнейших стран все более зависят друг от друга. Не обошли стороной интеграционные процессы и Восточную Азию. Более того, если еще в 1980-х гг. Япония видела себя бесспорным лидером и двигателем интеграции в регионе, то уже в 90-х гг. она ощутила нарастающую конкуренцию со стороны КНР. Как бы то ни было, составной частью международных интеграционных процессов и на глобальном, и на региональном уровне является пререкание людских потоков — международная миграция; и чем плотнее связь экономик разных стран, тем более интенсивным оказывается перемещение рабочей силы. Безусловно, наибольший вклад в увеличение миграционных потоков внесли и продолжают вносить китайцы. За пределами КНР по разным оценкам проживает от 30 до 40 миллионов этнических китайцев, и это не считая Тайваня. Даже в Ватикане их зарегистрировано несколько десятков.

По ряду причин, в российском востоковедении тема китайской миграции остается малоизученной, включая и такой ее аспект, как миграция китайцев в Японию. Между тем, уже более 20 лет присутствие китайцев является возрастающей социальной проблемой для японского общества. В рамках доклада всей темы охватить невозможно даже на уровне тезисов, поэтому я остановлюсь лишь на одной категории китайских мигрантов — студентах и на той уникальной роли, которую они сыграли в формировании современной китайской общины в Японии.

Численность китайского населения Японских островов в настоящее время только по официальным данным уже превышает 700 тыс. человек, количество нелегальных мигрантов и вовсе не известно. В 2008 г. как этническое меньшинство они вышли на первое место. Но так было не всегда. Конечно, какое-то число китайцев издавна проживало на территории Японии. В некоторых городах, в первую очередь в Нагасаки, существовали особые китайские кварталы. Однако реальное присутствие выходцев из Поднебесной стало ощущаться только с открытием японских портов (Йокогама, Кобэ, Осака, Хакодате и т.д.) для западных держав в начале 2-й половины XIX в. В Японию стали прибывать «белые» иностранцы, в том числе и из Китая, привозя с собой своих работников-китайцев, их семьи, слуг. Стали приезжать также «компрадоры», выступавшие посредниками в торговле между китайской буржуазией и иностранцами, живущим в Японии. Правда, вследствие японо-китайской войны 1894-95 гг. численность китайских торговцев резко уменьшилась, и многие из них так и не вернулись в Японию. С другой стороны, вскоре после окончания войны цинское правительство активизировало отправку в Японию студентов, причем к 1905-06 гг. их число достигло уже 10 тыс. (среди них оказалось немало будущих революционеров, а также деятелей культуры. Так, в городе Сэндай учился на врача впоследствии знаменитый писатель Лу Синь). Интересно, что в притоке китайских студентов было заинтересовано также и японское правительство, видя в этом возможность создания канала для продвижения своих экономических интересов в Китае. Впрочем, после 1911 г. китайских студентов в Японии почти не осталось — они вернулись домой в связи с Синьхайской революцией. Уехали строить новую жизнь.

В итоге, сложилась парадоксальная ситуация — несмотря на географическую, культурную и прочую близость, а также благоприятное отношение, которое во многом сохранилось и после войны, сильная и крупная китайская община в Японии так и не сформировалась: в середине 1930-х гг. в Японии проживало всего-то чуть более 15 тыс. китайцев. С другой стороны, в куда более далеких и этнически чуждых США, Канаде, Австралии, где с 1860-х гг. один за другим принимались анти-китайские законы, и китайцы подвергались дискриминации, образовались устойчивые китайские анклав — «чайнатауны». Китайцы,

проживающие в них, поддерживали постоянную связь с материком. Даже после провозглашения КНР в 1949 г., когда выезд из страны стал жестко контролироваться, миграция в США и Европу продолжалась – в основном через Гонконг.

Миграция же в Японию в этот период фактически прервалась. Во-первых, Гонконг никогда и не был в числе главных поставщиков китайских мигрантов для Японии; такими источниками выступали преимущественно провинции Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу, а также Шанхай. Но главным фактором стало отсутствие в Японии принимающей базы – устойчивой общины. Поэтому, когда с приходом к власти Дэн Сяопина, выезд из страны был формально разрешен, потоки китайцев хлынули к своим родственникам и знакомым в Австралию, США, Канаду, Европу, но не в Японию. Туда китайцам просто не к кому было ехать. В этой ситуации на первый план вышло китайское студенчество. Именно оно заложило основы, создало базу и обеспечило возрождение миграции из Китая в Японию.

В 1978 г. Китай начал оправляться от разрушительных последствий «культурной революции». Перед страной были поставлены задачи модернизации и реформирования национальной экономики. Одной из самых серьезных преград, стоявших на пути реформ, стало отсутствие образованных кадров – специалистов. Система образования находилась в руинах. Единственным выходом на тот момент стала отправка студентов на учебу за границу. И 4 августа 1978 г., после призыва Дэн Сяопина, Министерство образования КНР объявило о начале политики активного стимулирования выезда учащихся за рубеж. Позже к этой работе подключились и другие министерства и организации.

Независимо от этого, несколько лет спустя, в соседней Японии правительство пришло к другому, по-своему важному решению. Там осознали, что, будучи второй экономической державой мира, она сильно отстает от других развитых стран по числу иностранных студентов, и это ударяет по ее международному престижу. В 1983 г. тогдашний премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро обнародовал программу увеличения числа иностранных студентов в японских вузах и средних специальных учебных заведениях до 100 тыс. человек к 2000 г. Сложилась предпосылка для активной миграции китайских студентов в Японию.

Оказавшись на японской почве, китайские студенты воспользовались возможностями получения дохода, которые открылись перед ними; «баснословные» по китайским меркам доходы оказались важнее, чем сама учеба. Многие так и не уехали по окончании срока действия визы. Одни целенаправленно отправлялись в Японию на заработки, другие же приходили к этой мысли, уже оказавшись в стране.

Оставив в стороне тех, кто действительно приехал учиться, сосредоточимся на одной интересной категории студентов – *сюгакусэй*, т.е. «самостоятельных» студентах, прибывших для изучения какой-либо отдельной дисциплины (японский язык, чайная церемония, икебана, боевые искусства, и т.д.). Наибольшей популярностью среди китайцев пользовались языковые школы, поскольку слабым местом таковых была размытая юридическая база для их существования – со стороны Министерства образования практически не осуществлялось никакого контроля. Поэтому неудивительно, что по всей стране начали появляться фиктивные языковые школы. Они за деньги оформляли студенческие документы и выступали так называемым «гарантом» для студентов. Небольшие компании (агентства недвижимости, туристические бюро, лизинговые фирмы, даже бары и рестораны) стали открывать языковые школы, которые на самом деле использовались для привлечения дешевой неквалифицированной рабочей силы, столь необходимой японскому рынку труда в 1980-х гг.

Большое количество китайцев, в основном фуцзяньцы и шанхайцы, воспользовалось этой возможностью для того, чтобы найти работу в Японии. Многие из сюгакусэй просрочили свои визы и надолго остались в стране. Количество китайских граждан, въехавших в Японию под видом сюгакусэй, выросло со 113 в 1982 г. до 7 тыс. в 1987 и 28 тыс. в 1989 г. Осознав, что языковые школы являются своеобразной лазейкой для проникновения на рынок неквалифицированной рабочей силы, японское правительство начало более жестко контролировать этот процесс, что привело к уменьшению числа сюгакусэй. И все же, фиктивные языковые школы стали важным инструментом формирования китайской общины и, особенно, в процессе набора новых мигрантов. Именно в то время закладывался фундамент нынешней сложной и комплексной структуры, включающей в себя личные связи, брокерские конторы и контрабандистов (известных как «шэтоу»), незаконно переправляющих мигрантов за рубеж. За прошедшие десятилетия эта структура превратилась в эффективный и отточенный механизм.

Всего за несколько лет в Японии сосредоточилось достаточное количество китайских «студентов», для того чтобы начать играть активную роль в вербовке новых мигрантов из КНР. Необходимо отметить, что студенческая миграция значительно расширила географические

рамки традиционного ареала-источника внешней миграции. Бывшие студенты, просрочившие визу и незаконно оставшиеся в стране, помогали другим перебраться в Японию – очень часто для обеспечения собственного бизнеса дешевой рабочей силой. В настоящее время студенты из КНР по численности превосходят всех других иностранных учащихся в Японии вместе взятых. Приехавшие в скором времени нередко перевозят в Японию своих родственников. В самой Японии приток студентов из Китая не просто приветствуется, а даже во многом стимулируется, в первую очередь со стороны самих вузов. Причина заключается в том, что большинство университетов Японии стоит на пороге затяжного кризиса, связанного со снижением рождаемости и начавшимся с 2007 года сокращением населения страны. Система высшего образования очень скоро начнет испытывать нехватку студентов из числа собственного населения. Болезненному сокращению преподавательского состава (в целях экономии) может противостоять только приток иностранных студентов из-за границы. Из-за иероглифической системы письма, принятой в Японии, рассчитывать приходится в основном на молодых китайцев и, в какой-то степени, на корейцев. Жители других азиатских стран, а тем более, европейских и американских, в качестве студентов будут приезжать сюда лишь в минимальных количествах. Фактически в стране уже развернулась конкуренция за студентов и стажеров из КНР.

Все большее число китайских выпускников японских учебных заведений находит себе работу в крупных и мелких японских компаниях, ведущих активный бизнес с Китаем. Японские бизнесмены воспринимают образованных китайцев как ценное приобретение, поскольку те знают китайский рынок, особенности ведения бизнеса, имеют связи в самом Китае. Мигранты нового типа фактически начинают вступать связующим звеном между двумя странами. Во многих японских фирмах китайцы занимают позиции иностранных представителей, при этом очень часто такие должности достаются женщинам.

Несмотря на то, что в настоящее время число китайских студентов составляет лишь 10% от всего китайского населения Японии, именно они создали базу для общины новых китайских мигрантов, которые в будущем, возможно, изменят нынешний облик японских городов. Если верить прогнозам ООН, японское население стареет настолько быстро, что до 2050 г. ежегодно потребуется «импортировать» около 600 тыс. рабочих, чтобы поддерживать стабильность числа работающего населения и конкурентоспособность страны. Кто сможет обеспечить Японию таким количеством мигрантов? Только Китай.